

A romantic scene set in a library or bookstore. A man with short, dark hair, wearing a white button-down shirt, stands behind a woman. The woman has long, wavy brown hair and is wearing a vibrant red, strapless, sweetheart-neckline dress. They are both looking towards the left. The background is filled with bookshelves and warm, ambient lighting from pendant lamps. The overall mood is intimate and elegant.

НАТАЛЬЯ
СОВОЛЕВСКАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

УЛЫБКА
НЕЗНАКОМЦА

18+

Наталья Соболевская

Улыбка незнакомца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69007096

SelfPub; 2023

Аннотация

Очнувшись на больничной койке, понятия не имела, кто я и как здесь оказалась. Дежурившая в палате медсестра просветила: я – Одинцова Вероника и мне двадцать четыре года. Кроме этого, девушка сообщила, что в частную клинику из бюджетной меня перевёл некий Койдан Ярослав. Он и лечение оплатил, и, пока я была без сознания, навещал. Вскоре объявился и сам благодетель с заявлением, что он мой жених. Обрадовалась. Ещё бы, мужчина молод, красив и успешен. Восторгалась я Ярославом ровно до тех пор, пока не заметила на себе его полный ненависти взгляд в отражении зеркала. Казалась, мужчина еле сдерживается, чтобы шею мне не свернуть.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	58
Глава 7	69
Глава 8	79
Глава 9	87
Глава 10	95
Глава 11	102
Глава 12	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Наталья Соболевская

Улыбка незнакомца

Глава 1

Ярослав

Я сам над собой усмехнулся, шагая уже по проторенной дорожке. И какого черта я снова без повода явился в больницу? Когда девчонка очнется, мне тут же сообщат. Нет, опять иду к ней. Зачем? Кто бы знал...

– Добрый день, Ярослав Павлович, – изображая величайшую радость, приветствовала меня девушка за стойкой дежурной медсестры задолго до того, как я поравнялся с ней.

Дожил! Местный персонал не только в лицо узнает, но и имя с отчеством выучил.

– Добрый. Как Ника, есть изменения? – проходя мимо, бросил я.

– Нет, – с грустью вздохнула барышня, словно лично была виновата в отсутствии прогресса, и торопливо отчиталась вдогонку: – Но состояние стабильное, мы делаем все...

– Спасибо. – Я развернулся к медсестре и, прочитав ее имя на бейдже, добавил: – Остальное, Алена, я уточню у главного врача.

– Да, конечно, тогда предупрежу Германа Александровича, что скоро к нему заглянете, – услужливо пропела девушка. Она бы и дальше щебетала соловьем, но я зашел в палату и захлопнул перед ее любопытным носом дверь.

Приставленная к Веронике сиделка от звука моего голоса вздрогнула на стуле и резко проснулась.

Тщетно подавляя рвущийся наружу зевот, женщина поздоровалась, неповоротливо, с усилием встала и вышла. Тучная сиделка – единственный человек в этой клинике, который передо мной не заискивал, не улыбался во весь рот фальшивой улыбкой, а главное, она всегда испарялась при моем появлении без напоминания.

– Ну что, моя хорошая, все спим, – шепнул я, присев на край кровати и низко склонившись над Вероникой. – Я терпеливый, рано или поздно проснешься. Доктор обещал. Тогда и поговорим. – Я провел большим пальцем по бледным приоткрытым губам девушки и надавил на них. – И от того, как четко и резво ответишь мне, где украденная флешка с информацией и кто тебя нанял, будет зависеть твоя дальнейшая судьба. Хотя особенно на счастливый конец не рассчитывай. Надолго запомнишь урок. Гарантирую.

От дыхания грудь Ники плавно вздымалась и опускалась, ресницы иногда чуть подрагивали, выглядела она спокойно, умиротворенно и, что самое удивительное, необычайно привлекательно, несмотря на гематомы на лице, ссадины и забинтованную голову. Этакая нежная, беззащитная Спящая

Красавица, Белоснежка, мать ее. Но я-то теперь точно знаю, что наружность не соответствует содержанию. Сотри внешний лоск, и внутри наткнешься на гниль.

Затем я выслушал долгую скучную речь доктора, которая сводилась к одному: врачи не боги, а все-таки люди. Я уже возвращался в офис, когда на мобильном высветился входящий звонок.

– Ярослав Павлович, замечательные новости, Вероника пришла в себя, – с гордостью сообщил главврач. – Ее физические показатели в норме, насколько это возможно после такой аварии. Вы можете вернуться и лично в этом убедиться.

– Одну минуту, – попросил я и велел водителю разворачиваться.

– К сожалению, есть один нюанс, – продолжил Герман Александрович, когда я возобновил разговор с ним. – Черепно-мозговая травма не прошла бесследно, моя подопечная абсолютно ничего не помнит.

– Вот как! – воскликнул я и злобно расхохотался. – Какой неожиданный поворот!

– Согласен, амнезия – нечастое явление, особенно если учитывать возраст и отменное здоровье пациентки, но все же в нашей практике случается. Думаю, это явление временное и память вскоре восстановится.

Наивный. Мерзавка взялась врать, теперь ни за что не отступит.

– Скажите, Герман Александрович, а у вас нет подозрений, что Вероника амнезию симулирует? – поинтересовался я, и врач в замешательстве закряхтел.

– Я такой вариант не рассматривал. Зачем ей это?

– Мы опустим «зачем», «почему», «для чего». Я задаю вопросы, вы отвечаете.

Растерянность доктора можно понять, он ни сном ни духом об истинном положении дел. Глава клиники, как и сотрудники, свято уверовал, что Ника мне дорога, а я не стал его разубеждать.

– Так сразу и не скажешь без должного осмотра, тестов... да и после них не возьмусь дать стопроцентную гарантию. Человеческий мозг – самая неизученная область медицины.

– Хорошо, я вас услышал. Работайте, проводите процедуры, какие посчитаете нужным, но не раньше, чем я поговорю с Вероникой, – подвел я итог и отключился.

Ника Одинцова – та еще штучка. После аварии, с серьезной травмой, дезориентированная, но мигом сообразила: из клиники ей не выбраться, наша встреча неизбежна, хочешь не хочешь, а за кражу информации придется отвечать. Выдумала несуществующий недуг, мол, не помнит она ничего. За идиота меня держит? Номер не пройдет, не куплюсь.

Вероника

Как ни лягу – все неудобно: голова трещит, тело ломит,

каждое движение отдается дикой болью.

– Ну вот. – Медсестра подсоединила капельницу к катетеру. – Обезболивающее подействует, и вам полегчает. Ярослав Павлович вас проведает, и дозу удвоим.

– А сейчас увеличить нельзя? По мне как стадо слонов пробежало, – корчась от мучений, простонала я.

– Нет! Вы же уснете, – сморщив конопатый носик, возмутилась Алена. – Ох, вы же ничегошеньки не помните, но уверяю вас, ради Ярослава Павловича стоит потерпеть. Вы счастливая. У вас мужчина – просто женская мечта во плоти! А какой он заботливый и щедрый! Лучшая палата, сам главврач курирует ваше лечение, а это у-ух какая редкость. – Каждое ее слово было буквально пропитано восхищением и обожанием. Стало любопытно воочию взглянуть на этого Ярослава. – Да лекарство и на мозг влияет, заговориться немудрено.

– По-моему, моим извилинам уже невозможно больше навредить, – с досадой буркнула я и перевернулась на другой бок, надеясь найти удобную позу.

– Простите, не хотела давить на больную мозоль, – смутилась девушка, но потом с огоньком мне подмигнула. – Знаете, что скажу по секрету? С радостью поменялась бы с вами местами. – Алена плюхнулась на стул и, прикрыв глаза, принялась самозабвенно мечтать. – Тоже бы, как в сказке, очнулась, со мной все носятся, холят, лелеют, а потом появились бы ОН. – Понятия не имею, что Алена в данный момент

представила, но облизнулась она, словный лакомый кусочек торта увидела. – А то, что ничего не помните, – полная ерунда. Вот я каждую деталь своей тошнотворной жизни помню. С превеликим удовольствием все бы забыла. Достало. Мужа с работы уволили, а он не чешется, второй месяц на шее сидит, вернее, на диване перед телевизором. С трудом волоча ноги, прихожу домой, к горам грязной посуды и немытым полам. Палец о палец, паршивец, не ударит. Только требует, чтобы ужин вкусный сварила и пивка с сушеным полосатиком из магазина принесла. У нас дочке четыре годика, он ей ни строчки из сказки не прочитал. На уме один футбол и танчики в телефоне. Вот так.

– Ребенок у вас маленький, значит, поженились относительно недавно. Чем-то же он вас зацепил, любили друг друга и полностью устраивали. Поговорите по душам, выскажите наболевшее, хуже точно не будет, – прохрипела я и тут же пожалела об этом. Зачем полезла с советами? Чужая семья – потемки.

– Да я мозоль уже на языке заработала этими самыми претензиями. Все без толку. Мама каждый день в трубку орет: «Уходи от него, уходи!» Но развод... – Миловидное лицо девушки сморщилось, – крайняя мера. С мужиками нынче туго. Выгоню, на раз-два подберут. Девочка без отца останется, а я без мужа. Плохонький, зато свой. У него и плюсик имеется: на баб других не заглядывается, и на том спасибо. А вот у Нины из кардиологии совсем беда... – Но тут бол-

тушка резко встала, и в ее глазах засветилось обожание.

Я проследила за взглядом медсестры и, преодолевая боль, обернулась на дверь.

И полностью разделила восторг Алены. Там и правда стоял ОН с большой буквы, с главной строки и даже с нового абзаца. И дело не в мужественном красивом лице или идеально сложенной фигуре. От него исходила мощная энергетика, взгляд был полон уверенности, так и читалось: «Везде и повсюду я хозяин, а остальным остается только подчиняться». Уверена, с ним и на край света без раздумий пойдешь.

Ярослав

Все-таки Ника – настоящая актриса. Блеск. Игра ее на высоте. Так правдоподобно изображает невинность... Наверняка, не один час у зеркала репетировала. Хотя у нее это скорее природный дар, чем отточенное мастерство.

– Здравствуйте, – неуверенно кивнула Вероника и стыдливо опустила ресницы. Молодчина. Не единой фальшивой ноты ни в голосе, ни в движениях. Аплодирую громко и стоя.

Пришлось покашлять. Медсестра не спешила оставлять нас наедине. Округлив глаза до размера теннисного мяча и вертя головой с огненного цвета шевелюрой, она тарасилась то на меня, то на Нику. Как фильм смотрела. Мелодраму. Кульминационный момент. Рыженькая намек не поняла, пришлось открыть дверь и конкретизировать просьбу.

– Ой, я же халаты еще не погладила, – спохватилась девушка. Уходя, она многозначительно подмигнула Веронике, думая, что я не вижу.

Ника суетливо поправила подушку, села, пригладила волосы. Живописно изображая неловкость, потербила край покрывала. Я намеренно молчал, нагнетая обстановку. Пусть эта дрянь понервничает, хотя надо отдать должное ее выдержке – страха во взгляде нет, как и вины. Игра «Тут помню, а тут не помню» обещает быть как минимум интересной, а для соперницы еще и опасной.

– Сказали, ты на память жалуешься. Меня узнаешь? – оставаясь в дверях, спросил я. Руки от греха подальше сложил на груди: чего доброго, в ход их пушу. Так и тянет встряхнуть мерзавку хорошенько, чтобы перестала комедию ломать, а нельзя. Потом пожалею. Девушка как-никак.

– Нет, – помотала головой Ника и тут же зажмурилась от боли. – Даже имени своего не знала, пока медсестра его не назвала, – с силой потирая виски, добавила она.

В то, что ей физически ох как нехорошо, я верил. Удивлялся, как она вообще выжила, автомобиль-то всмятку.

– Плохо. Позвать медсестру? – предложил я. Вероника нужна мне здоровой. По крайней мере до тех пор, пока флешку не вернет.

– Не стоит никого беспокоить, мне уже лучше. – Девушка выдавила из себя нечто похожее на улыбку и подняла на меня полный признательности взгляд. – Спасибо.

Ситуация складывалась крайне паршиво. Ловко Ника все обставила. Несколько дней назад я лично застал ее за скачиванием информации со своего компьютера, а предъявить ничего не мог. Метод, конечно, не мой, но при желании можно из нее признание и силой вытряхнуть. Но пока существует хотя бы ничтожный шанс, что она и правда покалечилась до такой степени, что заработала амнезию, у меня связаны руки. Не монстр же я – выбивать сведения из человека без памяти.

Мысленно рассуждая, я откровенно рассматривал Веронику. Она сначала порозовела и смущенно опустила глаза. А когда вновь их на меня подняла, залилась ярким румянцем. Она щипает, что ли, себя под одеялом, чтобы покраснеть, или дыхание задерживает? Ну не стесняется же она меня на самом деле.

Я резко перекатился с пяток на носки, шумно выдохнул и, поставив стул поближе к Нике, сел так, что колени вплотную уперлись в кровать.

– Как-то мы плохо начали: ты под простыней спряталась, я на пороге мнусь. Познакомимся? Еще раз, если так вышло. Ярослав, – представился я и подал девушке руку, одновременно сканируя ее реакцию, ожидая вспышки радости или хотя бы облегчения. Я же якобы в амнезию поверил.

– Вероника, – мило улыбнулась она, и ее ладонь неуверенно сжала мою. Да, Вероника Одинцова, это я знал. Она сразу попыталась убрать руку, но я не позволил, а поднес ее к губам и, чтобы согреть, обдал горячим дыханием.

– Пальцы ледяные. Тебе холодно?

– Нет, мне неловко, – шепнула Ника и снова попыталась отнять у меня ладонь. Я не отпускал, держал крепко. Она хмурилась, нервничала, но не возмущалась.

– Отчего неловко?

– Оттого, что я вас не помню, а вы платите за мое лечение. – Ника огляделась по сторонам. – Уверена, это безумно дорого. Я чувствовала бы себя гораздо комфортней в обычной бюджетной больнице... – Куда клонила Одинцова, мне крайне не понравилось, и я ее оборвал:

– Что за бунт? Во-первых, обращай ко мне на «ты». Стадию «вы» мы давно пережили. Во-вторых, насколько я знаю, близких у тебя нет. Помочь, соответственно, некому. В-третьих, ты моя... – Я запнулся, подбирая верное определение, но прежде чем на ум пришло слово «сотрудница», она продолжила за меня:

– Невеста.

– Кто? – вырвалось у меня, и голос был слишком громким.

– Девушка, – испуганно поправила себя Одинцова и сразу перефразировала: – Подруга. Я что-то не то ляпнула? Медсестра сказала, у нас отношения.

Вот дела! Не знаю, чем уж Вероника руководствовалась и где были ее мозги, но она только что вручила мне главный козырь. Невеста, значит. Отношения у нас. Бинго, дорогая. Попалась. Сложно от жениха избавиться.

– Отпусти... те, пожалуйста, руку, – робко проронила она.

Пока я обдумывал новую расстановку сил, Ника сообразила, что просчиталась, и дошла до паники. Губы ее задрожали, бледная кожа еще больше побелела, к глазам подступили слезы.

Глава 2

Вероника

Как же стыдно! Хоть под койку ныряй. Медсестра сделала ошибочный вывод, а я его зачем-то повторила. Ярослав тоже хорош – только сейчас руку мне вернул, и то после того, как попросила. Зачем, спрашивается, брал ее и так долго держал? У меня после таких манипуляций и сомнений не осталось, что мы пара.

– Если ты мне не жених, тогда кто? – озвучила я закономерный вопрос. То, что он – мой родственник, я сразу отмела. Ярослав сам сказал, что близких у меня нет.

Он не спешил, словно ответ обдумывал, а паузу заполнил обворожительной улыбкой. Интересно, это у меня из-за травмы голова кружится или мощное мужское обаяние так действует?

– Ника, ты меня неверно поняла. Роман между нами есть, но вот до статуса жениха я пока не дорос. Это скорее предсвадебное название, а нам о походе в ЗАГС думать еще рано. Встречаемся всего ничего.

Мир опять перевернулся с ног на голову: пять минут назад у меня был жених, потом его не стало, сейчас жениха как такового нет, зато есть недолгий роман. Должна признать, Ярослав мне симпатичен, и пока посреди текущих неприят-

ностей он – единственное светлое пятно.

– Ярослав Павлович, я все понимаю, и мне очень жаль, но на сегодня достаточно, – сказал главврач, входя в палату и постукивая пальцем по наручным часам. – Веронике нужен покой и сон.

– Но я толком не успела ни о чем спросить, – возмутилась я, однако доктор был непреклонен.

– В следующий раз, а сейчас наша Аленка поставит вам лекарства, и отдыхайте.

– Можно хотя бы еще десять минут? – жалобно попросила я, но тут вмешался Ярослав:

– Ника, я завтра приеду, – пообещал он таким тоном, как будто маленького ребенка от очередной конфеты отговаривал.

– Но у меня столько вопросов... – Я бы прокричала протест, но из-за плохого самочувствия пришлось просто прошептать. Зато ухватила Ярослава за локоть, чтобы не ушел.

– А вот резкие движения вам совсем ни к чему, и впредь до моего дозволения попрошу их не делать. – Герман Александрович бочком вклинился между мной и Ярославом и, оттеснив последнего, в принудительном порядке уложил меня на кровать.

Я разозлилась на доктора. Принципиальный какой! Ему бы память стереть, посмотрела бы я на него. Вопреки рекомендации я приподнялась и выглянула из-за врача, чтобы спросить у Ярослава, в каком именно часу он собирается ме-

ня навестить, но вопрос застыл на губах. Мой не совсем жених отошел в угол палаты и, склонив голову, сверлил взглядом глянецевую напольную плитку, словно заклятого врага. Былую доброжелательность и приветливость с него как ветром сдуло. Даже трудно было представить их на таком ожесточенном лице: ноздри раздуты, губы плотно сжаты, кулаки так напряжены, что на них вены выступили.

– А во сколько тебя ждать? – все же вырвалось у меня.

Ярослав повернул голову, я дернулась назад и спиной вжалась в подушку. Ненависть. Пусть лишь долю секунды, но когда Ярослав смотрел на меня, в его глазах горела яростная, ничем не прикрытая ненависть.

– Около пяти, – нежно улыбнулся он.

Разительные перемены в его поведении насторожили. Он меняет обличья как рубашки, хамелеон позавидует. Не рано ли я доверилась человеку, прошлое с которым скрыто для меня во мраке? Воспоминаний нет, опереться не на что. Я ничего не ответила, лишь слегка кивнула. Еще совсем недавно я была готова удерживать Ярослава рядом силой, а теперь ждала, когда он уйдет, что он, собственно, и сделал, прихватив с собой Германа Александровича.

Медсестра, щебеча, суежилась над капельницей. Спрашивала, как все прошло, а потом сама же себе и отвечала, делая предположения. Эффект от лекарства не заставил себя долго ждать. Веки отяжелели, тело расслабилось, и под вододушевленные вздохи и ахи кружащей надо мной медсестры

я утонула во сне.

Размеренное шарканье метлы об асфальт, легкое ненавязчивое пение птиц и луч утреннего солнца, который, как я ни вертелась на кровати, обязательно светил мне в глаза, окончательно вывели меня из дремоты. Новый день начинался без боли. Или я потихоньку уже к ней привыкаю? Не важно. Чувствовала я себя отдохнувшей. Первое, что пришло на ум, – это вчерашнее изменчивое поведение Ярослава. Сейчас оно виделось по-иному. Не внушало страха или недоверия. С чего я взяла, что его враждебность была направлена на меня? Мало ли о чем думал человек. Ярослав – пока что единственная ниточка, связывающая меня с прошлым, глупо отдалять его от себя из-за выдуманной ерунды. Главное – поступки, а они говорят сами за себя: он как минимум обо мне заботится.

Преодолевая оставшуюся слабость, я коснулась босыми ступнями прохладного пола. На подкашивающихся ногах добралась до окна и, распахнув створки, вдохнула полной грудью летнее тепло. Ухоженная территория клиники постепенно оживала, сотрудники подъезжали на просторную парковку и спешили на рабочие места. Даже предположить страшно, какие здесь цены. Автомобили медперсонала, по крайней мере большая их часть, определенно выше среднего класса.

– Зачем вы встали?! – с порога ахнула Алена, поспешно поставила поднос с завтраком на тумбочку и двинулась умирять непослушную пациентку.

Возвращаться в постель совсем не хотелось, и я с тоской окинула напоследок взглядом цветущий парк больницы.

– Ай-я-яй, Вероника, как безрассудно относимся к своему здоровью! – слышался возмущенный возглас доктора.

Герман Александрович стоял возле парадного входа и не один, а с Ярославом. Оба они, подняв головы, смотрели на меня, явно осуждая за то, что поднялась. Если не совсем жёных глядел просто неодобрительно, то глава клиники не постеснялся и показал кулак.

– Все, Герман Александрович мне голову точно оторвет, – выглянув в окно, приговорила себя медсестра и потянула меня к кровати.

– Нет, нет, – вырываясь, запротестовала я. – Мне надо в туалет, еще умыться и зубы почистить.

– Самостоятельно в ванную вам пока рано. Уточку мигом организую, и перышки тоже лежа почистим, – услужливо пропела девушка.

Представила картину: я, вполне здоровая, в сознании, пользуюсь уткой, и в этот интимный момент в палату заходит Ярослав. Нет, пусть лучше мочевой пузырь лопнет, чем достоинство.

Пообещав Алене, что гнев главного врача возьму на себя, я удалилась в ванную комнату. Спешила страшно. Знала бы, что Ярослав навестит не вечером, как обещал, а утром, не тратила бы время на любование больничной территорией. Взглянула в зеркало и ужаснулась. Вчера я себя уже видела,

но с учетом улучшения самочувствия резонно рассчитывала, что и внешний вид изменился. Нет, все та же бледная, без намека на румянец кожа, бескровные губы, только черные глаза выделялись на фоне безжизненного лица. Я быстро освежилась холодной водой, не найдя расчески, пальцами распутала волосы, пощипала щеки, но, вернувшись в палату, Ярослава, к сожалению, в ней не застала.

– А-а-а... – протянула я, указывая на дверь. Алена ответила раньше, чем я успела задать вопрос:

– Сбегала, все разузнала. Ярослав Павлович приехал ваше лечение обсудить, вас навестит, как и обещал, не раньше пяти часов. И еще Герман Александрович просил вам передать: будете нарушать постельный режим, накажет витаминными уколами в попу.

– Что значит «обсудить мое лечение»? Без меня? Я же память потеряла, а не разум, хочу присутствовать, – буркнула я себе под нос и поинтересовалась: – А где кабинет главного врача?

– Нет-нет-нет. Не скажу, даже не уговаривайте, и не выпущу, – забеспокоилась девушка и преградила путь к двери.

– Простите, Алена, но выходить мне или нет, не вам решать. – Я обогнула медсестру, но когда открыла дверь, чуть не ахнула.

Широченная спина заслоняла проем. Затем огромный двухметровый мужчина развернулся ко мне лицом и, ничего не объясняя, просто захлопнул дверь.

– Это кто? – ошарашено поинтересовалась я у медсестры.

– Охранник. Ярослав Павлович вчера к вам его приставил, – пожала плечами девушка, словно здоровенный ребенок в коридоре возле палаты больного – это совершенно обычная и привычная вещь.

– Зачем?

– Да кто же его знает. Ярослав Павлович не отчитывался.

Я себя не обманывала. Одного взгляда на Ярослава хватило, чтобы понять: он привык доминировать и наверняка в нашей паре играл главную роль. Понятия не имею, как обстояли дела у нас в прошлом, может, такая опека меня и устраивала, но в данный момент душу раздирало негодование.

Я выдохнула. Наломать дров всегда успею, дождусь вечера и спокойно с Ярославом поговорю. Не знаю свой характер и жизненные принципы, но чувствую: когда не считаются с моим мнением, мне некомфортно.

Затем, с перерывами на обед и перекусы, я прошла просто невероятное количество диагностических процедур. Какие только доктора меня не осматривали! Самый дельный совет, как мне кажется, дал психолог. Приятный мужчина средних лет вручил мне блокнот с ручкой и предложил записывать все, что узнаю о прошлой жизни. Как он пояснил, когда человек излагает текст на бумаге, он более глубоко его осмысливает. Я охотно согласилась, и когда меня оставили в покое, набросала первые заметки, правда, получилось буквально несколько строчек.

Ярослав

Я натравил на Нику всех спецов, каких только возможно. Задача у них одна – выяснить, правду ли она говорит касательно амнезии или нет. Пока ситуация неоднозначная. Я уверен, Вероника врет, но врачи со мной не согласны.

И вот я легонько толкнул дверь в палату Ники, образовалась неширокая щель. Девушка, болтая ногами, лежала на животе и строчила что-то в блокноте. Старалась, даже кончик языка высунула. Ника без труда обвела вокруг пальца медиков, преимущественно мужчин. Хрупкая, очаровательная, нежная, одни только огромные глаза чего стоят – утонуть можно. Я на себе ощущал, как ее обаяние безотказно работает.

Ника будто почувствовала, что на нее смотрят. Обернулась, захлопнула блокнот, спрятала его под подушку и жестом пригласила войти.

– Привет, как прошел день? – присев на край кровати, поинтересовался я, и Ника вздохнула.

– Как у лабораторной мышки. Насыщено.

– У тебя сложный случай, без диагностики никуда, – пояснил я, и она обреченно кивнула.

Правильно, а что ей остается? Только соглашаться. Знает: если запротестует против тестов, которые направлены исключительно на то, чтобы доказать, что она лжет, то сразу

вызовет подозрение.

– Я тут список вопросов набросала, ответишь на них прямо сейчас? А то Герман Александрович явится и опять нас разгонит. – Ника достала из-под подушки блокнот, раскрыла его и, ткнув кончиком стержня в первый пункт, задумалась. – Нет, сначала расскажи обо мне все, что считаешь важным.

– Ника, прогресса нет? Может, какие-то картинки из прошлого всплывают или хотя бы отдаленные образы? – спросил я, и она помотала головой.

– Нет, по-прежнему чистый лист. Причем вот что странно. – Ника взяла пульт и, направив его на стену, включила телевизор. – Знаю, как работает бытовая техника, могу назвать столицу каждой страны, да, в конце концов, помню формулу чистых активов предприятия. – Ника закрыла лицо ладонями и отчаянно застонала. – Но как и где я получила эти навыки, понятия не имею.

– Ну-у, с чистыми активами я помогу. Ты это знаешь, потому что у тебя высшее экономическое образование.

– Да? – изображая удивление, воскликнула Ника. – А я думала у меня какая-нибудь творческая профессия. Например, фотограф, дизайнер или что-то подобное.

– И такая у тебя имеется, не совсем, конечно, творческая, но близко к этому. Мы познакомились в фитнес-клубе. Ты очень настойчиво предложила свои услуги личного тренера, а я сопротивлялся, говорил, что и сам неплохо с занятиями

справляюсь. Но знаешь, ты умеешь быть убедительной, – хотнул я, и Ника улыбнулась.

– Выходит, я вполне самодостаточная особа, – сделала она вывод. Затем замялась, набрала воздуха в легкие и выпалила: – Ты, пожалуйста, не подумай, что я неблагодарная или капризничаю, но мне не нравится, когда мое лечение обсуждают без моего присутствия. А еще дико смущает наличие охранника возле двери. Зачем он, мне угрожает опасность?

Вот кошечка и коготки выпустила. Не нравится ей! Мне тоже не нравится с авантюристкой сидеть, разговоры вести, но я же молчу.

– С Германом Александровичем мы обсуждали скорее административные вопросы, чем процесс лечения, – оправдался я, и Ника опустила глаза, якобы смущаясь из-за того, что за услуги клиники плачу я. – Охранник, Ника, обязателен. Он тут на всякий случай и для моего спокойствия.

Девушка смиренно кивнула. Понимает: взбрыкнет, начнет качать права, и я тоже перестану быть хорошим, добрым парнем.

Я выкладывал те малые крохи, что знал о Нике, а она усердно записывала якобы новую для себя информацию. Стоило мне назвать какой-нибудь факт из ее жизни, как на меня обрушивался шквал вопросов. Особенно Нику интересовала тема нашего знакомства. А также ее уход из фитнес-центра и трудоустройство в мою фирму. То, как протекал наш с ней роман и его подробности, она обходила сто-

роной, что вполне меня удовлетворяло. Хотя я и продумал ключевые моменты, но врать открыто в лицо, зная, что собеседник в курсе, как минимум противно. Вероника – талантливая мошенница, за всю нашу некраткую беседу она ни разу не выдала себя и не проговорилась. Вывести ее на чистую воду не вышло. Ничего, одна встреча не показатель, долго держать себя в руках и контролировать свои слова она не сможет.

С каким же наслаждением я оторвусь, когда поймаю ее за язычок! И чем дольше жду реванша, тем извращеннее будет наказание.

Глава 3

Вероника

Дни в клинике похожи друг на друга, как близнецы, и тянутся нестерпимо долго, а к тому же я постоянно чего-то жду. С первыми лучами солнца считаю минуты до прихода Ярослава, а когда он уходит, грущу и тороплю время, чтобы настало следующее утро.

Визиты Ярослава мне крайне приятны. Да нет, кого я обманиваю? Они для меня как праздник. Он внимателен, добр, и рядом с ним я ощущала себя принцессой за спиной сильного рыцаря. Ярослав все мои заботы взял на себя, и я с благодарностью приняла его помощь. Тем более что твердо решила: я не останусь в должниках и, как только выйду на работу, благо она у меня есть, верну Ярославу средства, потраченные на лечение, и те деньги, которые он заплатил хозяйке моей съемной квартиры.

– Привет, – улыбнулась Аленка, входя ко мне в палату.

За две с небольшим недели вынужденного отпуска мы с ней сдружились. Она меня развлекала новостями и, что греха таить, сплетнями больницы, а я делилась с ней впечатлениями от встреч с Ярославом.

– Я не с пустыми руками, – медсестра потрясла розовым пакетиком и с довольным видом высыпала содержимое на

одеяло. – Надеюсь, выбрала то, что надо.

– Это что, для меня? – приложив ладонь к груди, обрадовалась я, жадно рассматривая новенькую, еще в упаковке косметику.

– Ага.

– Не могу принять такой дорогой подарок, – грустно выдохнула я, но желание прихорошиться для Ярослава взяло верх, и выход быстро нашелся: – Но если позволишь взять ее в долг, а после выкупить, тогда приму с превеликим удовольствием.

– Вот еще, – обиженно буркнула девушка. – Я от чистого сердца, как говорится, от души, а ты мне деньги предлагаешь. – Алена надула губки и отвернулась.

– Ладно-ладно, – обняла я уже, можно сказать, подругу. Позже все равно ее отблагодарю ответным щедрым жестом.

Я приняла душ, тщательно уложила феном длинные волосы, на лицо нанесла тональный крем, подкрасила ресницы, добавила совсем чуть-чуть румян на щеки и завершила макияж розовым блеском для губ.

«Совсем другое дело», – подумала я, разглядывая довольно симпатичное отражение в зеркале.

– Все, Койдан замертво упадет, когда тебя увидит, – выглядывая из-за спины, восхитилась Аленка. – Хотя ты и без краски красавица, а о фигуре вообще молчу. – Она оглядела себя и ущипнула за бока на талии. – Смотрю на тебя, и мысли о диете все чаще посещают. Психану и сяду на японскую

диету. Завтра. Или нет, лучше в понедельник. Ой! – взвизгнула медсестра так, что я вздрогнула, и, достав из кармана халата флакончик туалетной воды, щедро меня надушила. – Последний штришок. Еще бы наряд соблазнительный, но тебе и больничная сорочка идет.

К нам заглянула старшая медсестра и напомнила Алене, что ее ждут другие пациенты. Когда за женщиной захлопнулась дверь, Алена показала в ее сторону язык, но все же выполнила требование, и опять я осталась одна. Телевизор надоел, вид из окна тоже, книги, которые принесла мне Алена, я давно прочитала, новые просить было неудобно, хоть вой от тоски. До прихода Ярослава оставалось больше часа.

Я заметила за собой странность: для меня ждать и гонять в голове тревожные мысли – это синонимы. Почему бы не думать о чем-то приятном? Нет, извожу себя навязчивой идеей, что будет, если воспоминания не вернутся. Как тогда жить? А от переживаний, что Ярославу надоест со мной возиться и он в один прекрасный день просто больше не придет, и вовсе волосы дыбом встают.

– Какое серьезное лицо, – хохотнул в приоткрытую дверь Яр. – О чем размышляем?

Мне не хватило духа признаться ему, что не представляю, как в случае чего буду без него обходиться, и я просто пожала плечами.

– Так, о всякой ерунде. А ты сегодня пораньше.

– Пятница. Лето. Офис вымер, и я рванул к тебе. А ты

какая-то сегодня необычная. – Койдан подошел, наклонился и взгляделся в мое лицо. – Понять не могу, в чем дело. А чем пахнет? – приняхался Ярослав и поморщился. – Запах неприятный, но не лекарство.

Я ужасно расстроилась. Мне духи Алены понравились, а Яр не оценил.

– Накрасилась, что ли? – Хотя бы эту фразу Койдан произнес не морщась.

– Да, и надушилась, но если тебе не нравится запах, могу смыть.

Он не ответил, посмотрел на тумбочку, повертел в руках тушь, помаду, потом взглянул в мусорную урну, где валялась упаковка от косметики и спросил:

– Ника, а откуда у тебя в палате новые вещи?

– Алена подарила, – растеряно призналась я.

Он подтащил к себе стул и сел напротив. Я терялась в догадках, чем Ярослав недоволен, если не сказать больше, но потом он смягчился и высказался:

– Все правильно. Сам виноват. Мне и в голову не пришло, что тебе нужны всякие женские штучки, а ты, видимо, постеснялась попросить. Но Ника, давай впредь договоримся: ты ни от кого чужого ничего не принимаешь, а просто пишешь список, и я приношу все необходимое.

Ага, тампоны и дезодорант для подмышек мне тоже у тебя просить?

– Я и так у тебя на шее сижу. Всем необходимым снабжает

больница, а это, – кивнула я на тумбочку, – просто баловство не...

– Или нет, сделаем по-другому, – перебил меня Койдан. – Я только что от Германа Александровича, он в принципе не против тебя выписать, если будет обеспечен должный домашний уход. Если согласишься переехать ко мне, я его мигом организую. Ну, что скажешь?

Ого! Вариант совместного проживания я совсем не рассматривала, но Яр ждет ответа, а у меня его нет. Как можно сразу решиться?

– Ника, добавлю: мы и так собирались съезжаться. Обсуждали это накануне аварии. Разве тебе не надоели больничные стены? Да и мне будет удобнее не мотаться на другой конец города каждый день.

– Яр, не знаю, ответственный шаг... – промямлила я, и он в очередной раз решил за меня:

– Собирайся!

Одно слово, и я спрыгнула с кровати и принялась оглядывать палату с мыслями о том, что с собой взять и куда положить. Нет, Ярослав определенно владеет навыком внушения, по-другому свою реакцию объяснить не могу. Койдан не приказывал, да и тон выбрал вполне мягкий, но все же я послушалась его, как загипнотизированная. Интересно, мощная аура Ярослава на всех людей так действует или только меня бессознательно тянет ему подчиняться?

Через мгновение до меня дошло: забирать мне из пала-

ты нечего. Начиная с ежедневно выдаваемых туалетных принадлежностей и заканчивая халатом с тапочками, все только больничное.

– А где одежда, ну та, в которой меня сюда доставили? – поинтересовалась я. Перспектива куда-то ехать в больничном наряде совсем не прельщала.

– Ника, ну ты чего? Удивительно, что после аварии у тебя кожа осталась относительно целая, а ты об одежде спрашиваешь. Ее прямо на тебе разрезали, сняли и выбросили.

– И что, мне теперь на улицу вот так идти? – огорчилась я и оттопырила края сорочки возле бедер в стороны. – Хотя что тут такого... – сразу поправилась я, а то получилось, как будто я неблагодарная и придираюсь к мелочам.

– Вероника, не беспокойся. Неужели ты допускаешь мысль, что я позволю своей девушке расхаживать среди белого дня в таком виде? – устало выдохнул Ярослав. Ему словно надоело повторять, что он обо мне позаботится и я понапрасну все время волнуюсь.

Яр не бросал слов на ветер. Пока он улаживал с администрацией клиники бумажные вопросы, Алена принесла мне одежду и обувь. Летнее платье по фигуре и бежевые туфли-лодочки сели как влитые. Гематомы прошли, ссадины зажили, и с учетом макияжа и укладки выглядела я вполне свежей, привлекательной, а главное, абсолютно здоровой. То, что ничего не помню, на лице не написано и в глаза не бросается.

Мы с Аленкой, обе хлюпая носами, напоследок крепко обнялись и пообещали друг другу не терять связь. Чувствую, мне страшно будет не хватать ее общества, привыкла с ней болтать о том о сем, но номер ее телефона у меня есть, и это утешает.

Ярослав хотел, чтобы мы сразу отправились к нему, но я попросила заехать сначала ко мне на квартиру за вещами, и он согласился.

– У меня уютная квартира? – спросила я у Койдана, когда мы сели к нему в автомобиль. Любопытство так и раздирало.

– Понятия не имею, – огородил меня он и завел двигатель. – Ни разу у тебя не был.

Вот это да! Получается, Яр не имеет обо мне как о хозяйке никакого представления, и когда мы зайдем ко мне в дом, его мнение сложится. Я закусила губу, переживая. Вдруг я ужасная неряха, и нас ждет гора грязной посуды, над которой жужжат рои мух, а на стенах висит паутина, и грязное белье повсюду разбросано?

– Яр, знаешь, обычно ведь хозяева знают о приходе гостей, готовятся к нему, полы... пыль протирают. Можно, я зайду одна? Если там не прибрано – со стыда сгорю. – Не придумав вразумительный предлог не пускать к себе Койдана, я честно призналась во всем.

– Ника, – засмеялся он. – Мне все равно, прибрано у тебя или нет. Хватит глупости болтать.

Яру хорошо говорить. Ведь в случае чего не его ждет все-

ленского масштаба позор.

Он притормозил у панельной многоэтажки советской постройки. Ну вот и настал момент истины, сейчас раскроется неизвестная часть моей личности. Переживая о том, что разочарую Койдана, я на ватных ногах подошла к старенькой двери на пятом этаже, но когда дверь открылась, меня немного отпустило.

Запах квартиры мне понравился, а пройдя внутрь, я окончательно расслабилась. Вполне пристойное жилище, не шикарно, но вполне приемлемо, и, что радует, не идеально, но вполне чисто. Кроме пыли, скопившейся из-за моего долгого отсутствия, ничего криминального я не заметила. Мебели немного, и она недорогая, зато новая. И ремонт приличный: свежие обои, современная плитка в ванной, на кухне даже посудомойная машина имелась.

Пока я разглядывала комнаты, Яр прошел на кухню и включил чайник. Как гостеприимная хозяйка, я хотела предложить какое-нибудь угощение и кинулась к холодильнику, но, заглянув, обнаружила там повесившуюся мышь.

– Чтобы продукты плесенью не покрылись, их себе забрала хозяйка, баба Надя, – заваривая чай, пояснил Ярослав. – Она, кстати, скоро придет, поможет тебе свое собрать и чужое не прихватить. А пока можешь из шкафа вещи складывать, баба Надя сказала, там все твое.

Так я и сделала. Принесла к шкафу чемодан, который для этих целей выделил мне Койдан, но не успела взяться за де-

ло, как Ярослав, держа в руках чашку с чаем, присел на кровать напротив шифоньера и стал внимательно за мной наблюдать.

То еще удовольствие – трясти нижним бельем перед носом мужчины.

– Ого! – вырвалось у меня, когда я раскрыла дверцы. – Однако я люблю одеваться.

Вешалки с вещами плотно прижимались друг к другу. Чтобы втиснуть между ними даже легкую блузку, надо было знатно постараться, и то не факт, что получилось бы. На полках творилась та же ситуация – забиты доверху.

Я выдернула первую попавшуюся вешалку, и у меня буквально отвисла челюсть.

Я это купила?

Носила?

Выходила в этом на улицу, и меня видели люди?

Я осторожно обернулась на Ярослава. Он тоже таращился на короткое красное платье с прозрачными вставками в виде сеточек по бокам.

– Это не может быть моим! – с круглыми глазами сообщила я.

– Конечно же нет. Оно определенно принадлежит бабе Наде, как раз ее размер, —ссызвил он.

Я оставила комментарий без ответа. Раз уж я сама негодовала из-за фасона платья, реакция Койдана вполне оправдана. Надеюсь, остальная одежда меня реабилитирует, а крас-

ная тряпочка останется досадным недоразумением.

Наивная!

Следующая вещь, которую я вынула из шкафа, была еще провокационной, чем первая. Складывалось впечатление, что одежду я приобретала исключительно в магазине для взрослых. Наученная горьким опытом, я не стала демонстрировать Ярославу нечто, больше похожее на карнавальный костюм, и бросила постыдную тряпку прямым в чемодан.

Тем временем он отставил чашку с чаем на прикроватную тумбу, встал, потянулся к верхней полке, до которой я без стула не могла достать, и в его руке появился рыжий парик с длинными локонами, затем еще один, но уже с короткой стрижкой и каштанового цвета.

– Качественные парики из натуральных волос, – сказал он и бросил их на постель. – А тут у нас что?

Я зажмурилась, но когда раскрыла глаза, увидела, что зря.

Ярослав с интересом рассматривал вполне безобидную миниатюрную статуэтку в виде слоника.

– Это портативная скрытая камера, – деловито сообщил Койдан, царапнул ногтем по выемке на животе слона, и статуэтка показала внутренности со сложным механизмом.

Что мы имеем: гардероб, полный развратных шмоток, набор париков, скрытую камеру, и это при том, что осмотр мы только начали. У Ярослава было такое же потрясенное выражение лица, как у меня, так что пролить свет на ситуацию он явно не мог.

– Так. – Я протиснулась к шкафу и закрыла его. – Дальше, пожалуй, справлюсь сама. Нечестно получается. Мы находим не совсем обычные вещи, оправдаться из-за амнезии я не в состоянии, а краснеть уже устала. Яр, подожди на кухне.

Глава 4

Ярослав

Ей бы в цирке работать! Небось, сидит в комнате, шуршит барахлишком и радуется, какая умная, а зря. Она еще лифчики не носила, когда я этим трюком пользовался – сознайся в малом грехе и скрой большой. А в Вероникином варианте это звучит так: покажи Ярославу вещи, с помощью которых ты за ним следила, и он поверит, что в твоей голове сплошное белое пятно. Теперь понятно, какую стратегию она выбрала. Убеждать меня и доказывать, что она не мошенница и информацию не воровала, бессмысленно. Я все видел своими глазами. Решила на амнезию по полной программе нажимать. С человека без памяти какой спрос?

Старенькая входная дверь скрипнула, и я выглянул из кухни в коридор, чтобы посмотреть, кто пришел. Баба Надя.

Женщина, как и все люди в почтенном возрасте, тепло укуталась. На улице жара, а она, можно сказать, в пальто, шерстяных синих рейтузах и цветастом платке – неотъемлемом атрибуте всех бабулек.

– Добрый день, – подал я голос.

– Добрый, добрый. Только я трость куда-то подевала и найти не могу. Спряталась, окаянная, – пожаловалась старушка и постучала по полу сподручным заменителем трости

– обычной палкой, скорее всего, подобранной где-то на улице. – А где Вероника?

– В спальне.

– Я ей трав от недуга принесла и еще пошепчу, – больше себе, чем мне, буркнула баба Надя и, тяжело переваливаясь с одной ноги на другую, поковыляла в комнату.

Я за ней не пошел. Наблюдать, как ловкая девица пожилого человека за нос водит, противно. Вернулся за стол и налил себе еще чая.

За стенкой еле слышно доносились женские голоса, а потом все стихло, и длилось молчание минут пятнадцать.

Любопытство победило, и я толкнул дверь в спальню. Баба Надя с закрытыми глазами сидела на кровати рядом с Никой и, положив девушке на лоб ладонь, что-то бормотала.

Лично я ворожбу приравниваю к обману. При этом вполне допускаю, что тот, кто ворожит, искренне считает, что обладает потусторонней силой и может помочь, а если к этому прибавить и готовность пациента к чуду, то появляется положительный эффект плацебо.

– Вот, деточка. – Баба Надя протянула Веронике тряпичный кулечек, перевязанный холщовой веревкой. – Каждый день по щепотке заваривай, настаивай и пей с утра на голодный желудок ровно три дня.

Ага, доброй старушке невдомек, что ее травки в мусорное ведро полетят, как только Ника до него доберется.

– Спасибо, – благодарно склонив голову, произнесла де-

вушка и прижала лекарство к груди, как великую ценность.

Так и тянет от тошнотворного зрелища сплюнуть, а лживой сучке дать подзатыльник.

– Значит, Веронику в свой дом забираешь, – повернулась ко мне старушка. – Почему тогда замуж не зовешь?

Я мысленно перекрестился. Мне такое «счастье» даже в страшном сне не приснится. Я скорее на бабе Наде женюсь, чем на этой мерзавке.

– Ника переезжает ко мне, чтобы за ней должным образом ухаживали, а не для совместного со мной проживания, – успокоил я бабушку, но ответ ее явно не устроил.

– Смотри, обидишь Веронику – сам потом пожалеешь. Ты парень хороший, по глазам вижу, но мысли мне твои не нравятся. Для меня люди как прозрачные. Предупредила тебя, потом не плачься. – Баба Надя, чтобы придать вес своим словам, пригрозила мне клюкой, а затем, как ни в чем не бывало, попросила: – Помоги, сынок, встать. Все силы Веронике отдала.

Как же я ждал того момента, когда все сумки будут собраны и мы с Никой окажемся на пороге! Старушка, с виду божий одуванчик, пока вещи упаковывали, покрикивала и шпыняла меня, как мальчишку, чем невероятно бесила. Не привык я к подобному отношению, но что делать, человек она пожилой, а возраст как минимум требует уважения.

– Ты когда Веронику в прошлый раз до дома подвозил, я наблюдала за вами с балкона. Если будете беречь друг дру-

га, ни одна беда к вам не постучится, а если нет, умоетесь слезами. Оба.

Ну нет. Мне что, еще и напутствие на дорожку выслушивать?

– Баба Надя, спасибо вам за все, до свидания. – Схватив чемодан с сумкой, я толкнул плечом дверь. Но не тут-то было, бабуля быстро среагировала на попытку побега.

– Подожди, я еще вас не благословила, – снова прикрикнула она на меня и, что-то нашептывая, перекрестила нас с Никой.

Холодок пробежал по спине. Вот сейчас, с опущенными веками, в темном коридоре бабу Надю от моей покойной и горячо любимой бабушки Светы не отличить. И как я раньше сходства не заметил? Чертовщина какая-то. Такое ощущение, что родственница с того света спустилась и благословила. Надо бы в церковь сходить и усопшей свечу за упокой поставить.

Пока мы не выбрались из города, Ника пребывала в приподнятом настроении. Она с интересом разглядывала из окна автомобиля мелькающие улицы и часто задавала вопросы: посещала ли она этот музей, гуляла ли в этом красивом парке, где мы с ней любили пить кофе и любили ли вообще. Я отвечал, причем оживленно. Все чаще за собой замечал – Ника так талантливо играла свою роль, что я забывал: амнезию она симулирует. На трассе девушка занервничала и стала вертеть головой.

– А мы куда? – наконец не выдержала она.

Немудрено. В моей городской квартире она пару раз была, а в загородный дом я ее никогда не приглашал. Представляю, какие у Вероники в голове кружатся мысли. Кругом лес, укромных мест хоть отбавляй, заведи ее подальше, и ее криков никто не услышит.

– Расслабься. – Улыбнувшись, я не удержался и хлопнул Веронику по голой коленке, причем после руку не убрал, а оставил на ноге и периодически сжимал. – У меня дом за городом, думаю, тебе там будет комфортно: свежий воздух, никакой суеты, идеальное место для реабилитации.

– А-а-а, – неуверенно протянула она, косясь на мою руку. Образ неопытной девственницы Нике особенно удастся. Пока я не застукал ее за воровством, она меня привлекала, и даже очень, но она вела себя скромно, смотрела невинно, так что, за исключением нескольких эпизодов, я даже шага в сторону физической близости не смог сделать.

– Что-то не так? – спросил я и, свернув на обочину, припарковался.

– Мне идея переезда больше не кажется хорошей, – выдохнула она и демонстративно убрала мою ладонь с колена. – Умом понимаю, что мы не чужие, но на деле знаю тебя две недели, а этого мало, чтобы вместе жить. Я бы хотела вернуться в квартиру к бабе Наде, пока она кому-нибудь другому ее не сдала.

Ага, сейчас, размечталась. Пока флешку не вернешь, ты у

меня будешь сидеть под охраной за высоким забором.

– Дом у меня достаточно большой, и там кроме нас будет постоянно проживать как минимум десяток работников. Комнату я тебе выделил, не отказывайся, не попробовав. – В это предложение я вложил всю доброжелательность, на которую был способен.

Не знаю, на какую оценку изобразил честные глаза, но очень старался. Однако, несмотря на разумные доводы, я видел, что Ника пыжится, придумывая аргументы против. Пришлось добить ее обещанием:

– Если тебе у меня не понравится, лично отвезу обратно к бабе Наде.

– Хорошо, – смиренно произнесла девушка. – А когда я смогу выйти на работу? Мое место ведь осталось за мной?

Ты охренела, что ли?! На работу рвется она. Ближе к офису не подпущу.

– Ай-я-яй, – остудил я ее порыв, – совсем здоровье не бережешь. Пока врач не разрешит, никакой работы.

А он не разрешит, уж я об этом позабочусь.

Вероника

У меня начала отвисать челюсть от одного только вида забора, который тянулся и тянулся... Это какую же территорию он огораживает? А когда открылись ворота и показался дом, я и вовсе потеряла дар речи. Нет, я, конечно, предпо-

лагала, что Ярослав обеспеченный мужчина, но что настоль-
ко...

– Ну, как тебе новое жилище? – посмеялся над моей рас-
терянностью Ярослав. – Устраивает?

– Да ты меня обманул. Говорил, что живешь в доме, а
это... – развела я руки в стороны, – настоящий дворец. Там
что, озеро? – Двигались мы на маленькой скорости, и я чуть
ли не наполовину высунулась в окно, разглядывая блестя-
щую гладь воды.

– Пруд, – уточнил он и, резко дернув за подол платья, вер-
нул меня в сидячее положение.

Интерьер дома был под стать внешнему виду: все светлое,
почти белое, кажется, шагнешь и пол испачкаешь.

– Пошли, – снисходительно хохотнул Койдан и потянул
меня в сторону лестницы, – позже оглядишься, когда вещи
разложишь и освоишься в комнате. Или кого-то пригласить,
чтобы тебе помогли? – предложил он, но я активно помотала
головой:

– Нет-нет я сама!

– Ты так реагируешь, как будто я тебе что-то развратное
предложил, – отметил Ярослав, и у меня появился вопрос
как раз сексуального характера.

– Яр, – окликнула я его и, притормозив, вынудила оста-
новиться. – А у нас... ну... что-нибудь... как же так выра-
зиться?..

Да что же это такое? Взрослая, а вопрос интимного харак-

тера задать стесняюсь.

– Ника, раскрою секрет: язык, на котором ты сейчас учишь, мне незнаком. Давай переходи уже на русский, – не дождавшись от меня членораздельной речи, попросил он, и глаза у него блеснули. Что-то мне подсказывало: все он понял.

– У нас был секс? – смело выдала я.

Койдан не спешил отвечать, он расплылся в довольной улыбке, толкнул дверь, напротив которой мы стояли, и жестом пригласил войти.

Вот почему он медлит?

– Меня посетила интересная мысль. Ника, а ты случаем ничего не имеешь против раздельных спален? Если есть возражения, милости просим. Я только «за»! – укладывая чемодан на кровать, сказал он, и я покраснела.

Как на такое реагировать? Я ему про Фому толкую, а он стрелки на Ерему переводит.

– Так, все, молчание – знак согласия. Верно? – С этими словами Ярослав снова подхватил багаж и уверенно направился на выход. – Пошли ко мне!

– Не-не-не, – запротестовала я и преградила ему путь, для верности еще и дверь подперла спиной.

– Это намек, чтобы я у тебя остался? – Чемоданы полетели на пол, а Ярослав уже с пустыми руками приблизился и наклонился так близко, что наши лица почти соприкоснулись.

Я стояла ни живая ни мертвая. Вроде бы и отталкивать

мужчину не за что, но и выносить такую интимность я не могла. Ярослав, как будто намеренно, не переходил тонкую грань дозволенного. Он намотал на палец мой локон и внимательно разглядывал, как тот струится у него в руке.

– Яр, зачем ты искажаешь мои слова? Я совсем о другом спрашивала, – возмутилась я и отвернулась подальше от его губ.

– Знаю, что искажаю. – Ярослав склонился еще ниже и, вдохнув запах моих волос, перешел на тихий тембр с хрипотцой: – Но ты так забавно смущаешься и мило краснеешь. Трудно удержаться и не провоцировать.

– Ах... ты... Да ты просто издевался надо мной! – с облегчением улыбнувшись, воскликнула я и стукнула паршивца по плечу. – А я все думаю, куда дели моего до мозга костей джентльмена Ярослава и кого в его шкуре подсунули? – И я громко расхохоталась.

Наверное, со стороны Ярослава я и правда смотрелась комично. Мы же явно не просто за ручки держались, пока развивался мой роман, а теперь я, как дикарка, от него шарахаюсь и от каждого прикосновения дрожу, целомудрие блюду. Надо бы его уже не просто как неземной объект вожделения воспринимать, а как своего молодого человека из плоти и крови, с естественными мужскими желаниями.

Койдан еще немного пошутил насчет моей пугливости и недоверчивости, потом напомнил, в котором часу ужин, и оставил одну. Это только потом я сообразила, что Яр так и

не ответил, был между нами секс или нет. А второй раз я эту тему еще не скоро подниму. Интересно, он специально от вопроса увильнул или случайно получилось?

Глава 5

Я вытряхнула из чемоданов на постель все вещи и рассортировала их. Получились две кучи. В одну я бросала одежду, которая меня устраивала, в другую – все остальное.

Забавная вышла ситуация: эти две кучки не имели между собой ничего общего. В правой были деловые блузки, юбки ниже колен, несколько платьев умеренных тонов, явно офисные варианты, пара деловых прямых брюк и несколько вещей на выходные, в кафе сходить, но ничего кричащего или вульгарного. В левой же стопке – разврат и похабщина, все чересчур короткое, откровенное, прозрачное, причем в самых неожиданных местах.

Я села на стул, подперла кулаком подбородок, не зная, что и думать. Я как будто жила двумя параллельными жизнями. Днем – скромный специалист в крупной компании, а ночью похотливая самка.

Так и не сообразив, какая я все-таки настоящая, убрала пестрое тряпье на верхнюю полку, а все спокойное и приличное аккуратно развесила на вешалках.

Но надо отметить, обе мои личности вполне сходились в том, что касалось нижнего белья и обуви, и выбирали кружева и высокий каблук. То-то мне в больничных тапочках и в лодочках казалось, что пятка не на месте, а где-то под

землей.

В животе заурчало, и я вспомнила, что только завтракала. По-быстрому ополоснулась в душе, смыла больничный запах, удобное платье менять не стала, а вот туфли надела другие.

Легко прыгая по ступеням лестницы, я глазела по сторонам. Так увлеклась окружающей красотой, что не заметила, как на последней ступеньке встретилась нос к носу со строгой мадам. По-другому женщину не опишешь. Непонятного возраста, лицо – на лет сорок с небольшим, наряд – на интеллигентные лет семьдесят: длинная юбка в пол, белая под горло блузка с воланами, поверх нее – удлиненная серая вязаная кофта, а по манере держаться ей можно дать лет двести, потому что так ровно спину держали только в XIX веке, и то не все.

– Добрый день, позвольте представиться, – изрекла женщина и сразу подтвердила сделанные о ней выводы: – Меня зовут Маргарита Степановна Вишневская, и в этом доме я работаю управляющей.

– Ника, – в ответ улыбнулась я.

– Вы опаздываете. Ярослав Павлович... – дама взглянула на антикварного вида часы, – ожидает вас в столовой более десяти минут.

– Простите, – машинально извинилась я, – вы мне дорогу не подскажете?

– Разумеется, – произнесла женщина тоном, похожим на

дуновение из кондиционера.

Маргарита Степановна завела меня в столовую, окинула ее зорким взглядом, все ли тут по правилам, и чинно удалилась.

– Интересная женщина. Такое ощущение, что она сошла со страниц «Войны и мира», – высказалась я и шутливо присела в реверансе перед Ярославом.

– Есть такое, – подтвердил Койдан, но добавил: – Только не суди ее по манере держаться. Она – одна из немногих людей, которые мне симпатичны.

– Ладно, – пообещала я и присела на стул за накрытым местом. – Так вкусно пахнет, слюнки текут. Ты не возражаешь, если я оставлю дворцовый этикет до более сытого состояния и поем по-простому?

Ярослав кивнул, и я приступила к трапезе. После того, как сгрызла нежнейшее мясо с последней косточки и одолела целую тарелку салата из свежих овощей, решила начать заранее заготовленный разговор. Причем из-за угла.

– Яр, если тебе не нужны лишние хлопоты, отказывай мне, я не обижусь. Понимаю, и так доставила много проблем, но не попросить...

– Ника, ближе к делу, – с интересом поторопил он.

– Все, что ты обо мне рассказывал, – сухие факты, как в рабочем резюме. А если отправиться в мой родной город, сходить в школу, в институт, в котором я училась? С соседями можно еще встретиться. Картина наверняка станет яснее.

Если прямо сейчас отправиться туда нельзя, можно как-нибудь и удаленно все проверить, справки навести. Это очень сложно?

Койдан замер, медленно отложил столовые приборы в сторону и откинулся на спинку стула.

– погоди, я правильно понял: ты просишь меня покопаться в твоём прошлом?

– Да!

Ярослав

Признаюсь откровенно: я в ступоре. Ника озвучила мою речь почти слово в слово. После ужина сам хотел предложить наведаться на её малую родину. Ждал всяческого сопротивления с её стороны, нелепых доводов против, да чего угодно, но только не того, что услышал.

Возможно, я недооценил степень подготовленности Ники к всякого рода провалам. Скорее всего, она заранее сострепала слезливую историю, и когда мы начнем распутывать, словно клубок, её прошлую жизнь, наткнемся на уйму оправданий для неё.

Например, обнаружится тяжело больной дядюшка, нуждающийся в дорогостоящей операции и ждущий от племянницы денег. Я об этом узнаю и проникнусь к благородной спасительнице уважением. Ещё бы! Честная и чистая девушка, вопреки своим моральным принципам, замарала руки во-

ровством и промышленным шпионажем ради спасения жизни родственника.

Если Ника хорошо выполнила домашнее задание и перед тем, как втереться ко мне в доверие, изучила меня как личность, то она со стопроцентной гарантией знает: как только она попалась, я проверил ее по всем фронтам. Заглянул во все тайны ее семьи и ближайших родственников, не обошел вниманием круг общения и любовные приключения.

Правда, ничего интересного не нашлось – обычная жизнь без скандалов и криминала. За исключением ранней гибели родителей, судьба Вероники укладывается в стандартный шаблон.

Но даже с моими возможностями вывернуть наизнанку всю подноготную человека нельзя. Когда-то же она ступила на скользкую дорожку.

– Нет, Яр, забудь, – выдохнула она и махнула рукой. – Чушь сморозила, ты человек занятой, некогда тебе возиться со всякой ерундой.

– Ника, я молчал не из-за того, что благовидный предлог сочинял. Я план действий обдумывал, – объяснил я заминку.

Грустные глаза девушки мгновенно загорелись радостным огнем, и она широко улыбнулась. Я не мог не залюбоваться ее прелестным лицом. Все-таки природа неправа. Одаривать такой красотой недостойную личность – кощунство. Ее бы внешность – и в добрую душу, получилась бы женщина, ради которой и убить, и умереть не грех.

– Так ты мне поможешь? – наперед зная ответ, не скрывая восторга, поинтересовалась Ника.

– Конечно! Более того, собираюсь принять непосредственное участие в твоих поисках прошлого.

– И что, даже в мой город со мной поедешь?

Разумеется, дорогая, я поеду с тобой. Мне жутко интересно, какую басню ты подготовила. Расстроилась, небось, что без твоего вмешательства я нужную ниточку не дернул. Ну прости, только по реальным следам шел, а не по предусмотрительно подстроенным.

– Ага, – кивнул я, и девушка радостно захлопала в ладоши.

– А когда!

Ух ты, как ей не терпится-то!

– Подразгребу дела, освобожу пару свободных дней, и в путь. Не беспокойся, это скоро, дату заранее сообщу. Кстати о делах. – Я поднялся со стула, подошел к Нике со спины и, склонившись, шепнул ей на ухо: – Ты меня простишь, если на пару часов оставлю тебя одну? Надо сделать несколько неотложных звонков.

– Без проблем. – Ника обернулась, коснувшись нежной кожей щеки моей отросшей к вечеру щетины. – А потом проведешь экскурсию по территории дома, ты мне пруд обещал показать.

Руки сами потянулись к хрупким плечам. Я очертил их контур и сжал. Казалось, надави я сильнее, и кости сломают-

ся. Привычной реакции на мои прикосновения не последовало. Ника сидела смирно, вырываться не пыталась, и я позволил себе вольность. Спустился ниже и погладил пальцами ее ключицы. Грудь девушки вздымалась больше обычного и манила. Понятия не имею, на что толкнули бы меня соблазнительные пышные выпуклости, если бы Вероника резко не подскочила.

— Нет терпения ждать два часа. Я, пожалуй, пока погуляю одна, а ты, когда освободишься, присоединяйся. — После этого заявления девушку из комнаты как ветром сдуло.

Чтобы не потерять Веронику из виду, — мало ли что, — я поднялся к себе в спальню и с мобильным возле уха вышел на балкон.

Легкий ветерок дул Нике в лицо, и платье облепило ее стройную точеную фигурку. Темная копна волос игриво развевалась, а когда девушка приподнялась на цыпочки и, вытянув руки вверх, закружилась, наслаждаясь теплой погодой, я сбросил вызов, оперся локтями на перила и, забыв о важном звонке, просто наблюдал.

Грация в каждом ее движении завораживала, чувственность кружила голову и будоражила воображение. Все-таки Ника — идеальная женщина.

Я оказался не единственным, кто любовался Вероникой. Новый охранник тоже ее заметил и смотрел с открытым ртом.

Но глазеть — это одно, а вот бросать рабочее место — это

другое. На хрена, спрашивается, придурок к ней поперся? Страх совсем потерял?

Я резко развернулся и с намерением прочитать, возможно, уже бывшему сотруднику его должностную инструкцию, покинул балкон, но тут же вернулся.

Стало любопытно, как поведет себя Ника. Перед обычным работником ей притворяться милашкой совсем не обязательно.

Охраннику на вид лет двадцать пять, а он перед девушкой с ноги на ногу переминается и суетливо кепку в руках тербит. Тьфу, тошнотворное зрелище – двухметровый детина смущается и глаза в пол прячет, как подросток. Зато Ника хороша, улыбается ему во весь рот, да еще и волосы пару раз взбила. Нашла, с кем кокетничать, явно типаж не ее. Что она с него поимеет?

Так, а куда это парочка собралась?

Быстро же они договорились!

Надо кончать с этим безобразием, и ревность тут совершенно ни при чем. Для всех, включая этого охранника, Ника – моя девушка. Делать из себя посмешище я не позволю.

Сначала я шел спокойно, потом ускорился и не заметил, как постепенно сорвался на бег.

Маленькой сучке любви не хватает. Будет ей любовь.

Я, конечно, зарекался Веронику в постель тащить, но что мне мешает свое решение отменить? Совмещу приятное с полезным. Развлекусь, тем более у Ники передо мной должок

имеется. Получу, так сказать, компенсацию, своеобразный бонус.

Парочка, естественно, с прежнего места испарилась в неизвестном направлении, и где их искать, пока было неясно. Но если застукаю их на горячем, мало не покажется обоим. Если парень отделается выбитой челюстью и сломанными ребрами, то девушке так сказочно не повезет, оторвусь по полной программе. Психологическая ломка гораздо страшней физической.

Загадка, где находятся голубки, разрешилась мгновенно. Со стороны правого торца дома послышался звонкий женский смех, там-то я их и обнаружил. Ника, присев на корточки, чесала пузо развалившемуся на траве, млеющему от ласки щенку, а охранник рядом гладил его мамашу – крупную лабрадоршу.

Да-а, не особенно похоже на оргию.

Ладно, пусть Ника пока живет, но вот парню выговор все-таки сделаю.

– Яр, смотри какая прелесть! – заметив меня, воскликнула Ника. – Жаль, его завтра утром отвезут в питомник, – взгрустнула она, и ее огромные глаза наполнились мольбой.

– Если он тебе нравится, могу его оставить, – зачем-то предложил я. Лишняя псина в доме совсем ни к чему.

– Правда? Яр, ты лучший. – Подбежав, Вероника кинулась мне на шею и отблагодарила поцелуем в области щеки.

Черт, надо завязывать на нее так реагировать, какого... я

растекся.

Порыв девичьей нежности закончился так же быстро, как и начался, и она вернулась к щенку.

– Лаки, ты слышала? Твой детеныш останется в доме, – потрепав лабрадора за ухо, сказал молодой человек.

– Дима, если бы не ты, все так удачно не сложилось бы, – похвалила Ника охранника, и парень засветился от счастья.

Вот же, гад, и меня не постеснялся.

– Кстати, Дмитрий, – обманчиво приветливо обратился я к сотруднику, – насколько я помню, ваше рабочее место – на пропускном пункте возле ворот, и обход территории в ваших обязанностях не значится. А теперь вопрос: что вы здесь делаете и почему не за работой?

Повисла пауза. Всеобщее веселье утихло. Дима напрягся, а Ника, прикусив нижнюю губу, недовольно на меня покосилась.

– Моя смена закончилась полчаса назад. На въезде дежурит напарник. А то, что мне нельзя передвигаться по территории, я не знал. Простите, больше это не повторится, – складно, словно выученную речь, отчеканил парнишка.

Все, я больше не герой, а хозяин-самодур, который не по делу шпыняет сотрудников. По крайней мере, Ника поглядывает на меня именно так.

Может, мне еще извиниться за то, что потребовал отчета?

– Почему же нельзя? Можно. Если в нерабочее время, – бросил я. – Ника, ты вроде как к пруду собиралась. Пошли.

Но никуда она со мной уже идти не хотела, губы надула. Испортил идиллию.

Тоже мне, мать Тереза. Молодец, из образа не выходит ни при каких обстоятельствах.

– Ника, – настаивая на своем, с нажимом позвал я ее и протянул руку.

Вероника колебалась. Бросила взгляд на охранника, потом на меня.

Она что, выбирает, с кем ей лучше остаться?

– До свидания, Дима, рада была познакомиться, – озвучила Вероника свое решение.

До какого еще, на хрен, свидания? Они что, еще видеться собрались?

Парня не уволю. Не за что. В должности повышу, в здание фирмы переведу.

Глава 6

Положив ноги на стол, я поглядывал в окно и анализировал вчерашний вечер. Очко в пользу Вероники. С этой мерзавкой надо быть начеку, но столь очевидную вещь я понимаю, лишь когда ее рядом нет, а стоит ей на горизонте показаться, мозг отключается и за главного работает совершенно иной орган.

Какого... я вчера зайчиком возле нее скакал? Задабривал. Пришлось изрядно постараться, чтобы Ника оттаяла. И то, если бы торжественно не объявил, что долбаного щенка не просто в доме оставляю, а ей дарю, ничего бы не вышло.

Нет, ситуация начинает напрягать. Требуются срочные радикальные меры. Родилась отличная идея, и я, схватив ключи от машины, собрался в клинику. Главный врач мне в помощь.

Герман Александрович слушал молча, нервно потирал лысую макушку, но сразу не отказал, что радовало.

– Ярослав Павлович, то, что вы сейчас описывали, в простонародье называется «сыворотка правды». Препаратов такого типа множество. Различаются они между собой степенью воздействия на человека, но объединяет их все одна характерная черта – они небезопасны для здоровья. Это я еще молчу, что большинство входит в список запрещенных

и приравнивается к наркотическим средствам. Вы уверены, что готовы подвергнуть молодую, не окрепшую после аварии девушку с возможной амнезией такому риску?

Вот же гадство!

Доктор явно на совесть давит.

Да и самому как-то не очень приятно Нику травить.

– А если взять самый легкий препарат и дозу рассчитать небольшую? – поинтересовался я.

– Смысла нет. Проще Веронику напоить. Эффект тот же.

– Она алкоголь на дух не переносит.

Доктор развел руками.

– Хорошо подумайте, Ярослав Павлович. Я вам не откажу и все достану, но повторяюсь: опираясь на опыт, заявляю – девушка не лжет.

– Герман Александрович, ваша пассивность в вопросе с Никой не прибавляет мне желания и дальше выступать в качестве спонсора вашей клиники. Предложения есть, или вы только мои можете отметить? – рявкнул я, и доктор призадумался.

– Есть не совсем традиционный способ разговорить человека, и опять же – без гарантий, но я бы посоветовал гипноз.

– Шарлатанство, – выразил я свое мнение.

– Не скажите. Порекомендую вам отличного специалиста в этой области. Поверьте, он вас не разочарует.

– Да, – усмехнулся я. – Только существует загвоздка: на гипноз нужно добровольное согласие, а если Ника пошлет

меня к черту?

— Так это же и хорошо. Если Вероника согласится на сеанс, шанс, что она говорит правду, повысится, — гнул свое доктор и, покопавшись в книжке, сунул мне визитку гипнотизера. — Если останетесь недовольны, попробуем медикаментозный метод.

Я сомневался в успехе идеи, но координаты чудо-лекаря все-таки взял. Насколько я понял, если затея сработает, Ника и догадываться не будет, что во время сеанса проговорилась, а это шикарное поле для маневра. Вот и посмотрю, до какой степени она изнутри прогнила.

Хотя признаю, если выяснится, что насчет амнезии Ника не врет, искренне порадуюсь собственной ошибке, а вдобавок, если девушка добровольно вернет украденную флешку, возможно, даже выслушаю ее оправдания. Или нет... пока не решил.

Я обрисовал ситуацию по телефону гипнотизеру, чье имя смахивало на сценический псевдоним, и к восьми вечера пригласил Фергана Эдуарда Арнольдовича к себе в дом.

Естественно, о предстоящем визите доктора Нике и словом не обмолвлюсь. Поставлю перед фактом. Экспромтом ей будет сложнее от сеанса отвертеться.

Дабы не оправдываться перед Никой, почему умолчал о гипнотизере, домой я вернулся в десять минут девятого. Маргарита Степановна сообщила, что в кабинете меня дожидается гость, и я попросил ее, чтобы она пригласила Нику

к нам присоединиться.

Предвкушаю, как округлятся ее и без того не маленькие глаза.

Ферган, несмотря на экзотическое имя, выглядел как вполне обычный солидный мужик чуть за сорок: седина на висках, отличный дорогой костюм. Портит картину только выпирающий не по годам живот, который не вписывался в довольно тощую фигуру.

Обменявшись с ним рукопожатиями, я еще раз напомнил чудо-врачу об изворотливости его пациентки и просил не поддаваться на ангельскую внешность, а то плавали, знаем: один взмах пушистых ресниц, и Эдуард Арнольдович окажется у Вероникиных ног в полной боевой готовности есть с рук любое дерьмо, которое она ему предложит.

Ника не заставила себя долго ждать и, тихонько постучав, приоткрыла дверь кабинета.

Как знала, паразитка: явилась при полном параде. Каблочки свои любимые надела, волосы распустила, платье по фигуре натянула. В общем, как всегда, само совершенство.

Я предложил девушке присесть на диван, а дальше, как и договорились, действовал Ферган. Гипнотизер начал с саморекламы, перечислил все свои звания, регалии, назвал номера журналов, в которых напечатаны его научные статьи, а потом объяснил Веронике, что при амнезии гипноз – один из наиболее эффективных методов помочь пациенту в лечении.

Ника слушала молча, кивала. Похоже, мыслительный процесс в ее голове протекал бурно.

– Верника, вы согласны попробовать? – задал сакраментальный вопрос Эдуард Арнольдович. Кажется, я даже дышать перестал.

– Да.

Вот тебе раз... Что за ответ? А где же: «Мне надо сначала изучить вопрос подробно. Подумать, как следует. Это не опасно? А каковы побочные эффекты?»

Где долбаные отмазки?

Неужели Вероника так в себе уверена, что надеется провести Фергана? А он так старался, аккуратно и методично достижения свои перечислял. Не впечатлил?

– Вы не против, если я сделаю аудиозапись сеанса? – поинтересовался врач, и Ника опять удивила:

– Конечно нет. Записывайте. Интересно будет потом послушать.

– Ника, мне можно остаться? – пошел я ва-банк, и она меня добила:

– Хорошо, что предложил, а то я тебя хотела просить.

Ферган, приглашая пациентку удобно разместиться на диване, уложил с краю возле подлокотника декоративную подушку и похлопал по ней. Ника без всяких сомнений изящно скинула туфельки и легла. Платье девушки задралось, и я одним резким движением его одернул. Доктор и без того мне весь пол в кабинете слюнями закапал. Все, учту ошибку и в

следующий раз мужика для работы с Никой ни за что не найму. Все мы кобели и на красивых баб реагируем одинаково.

Доктор не раскачивал перед ней часы или подвешенный на цепочке кулон, он попросил ее расслабиться и закрыть глаза.

– Вероника, я сейчас сосчитаю от десяти до нуля, и вы уснете спокойным глубоким сном. Десять. Вы находитесь в безопасном месте, вам хорошо, тепло и уютно. Девять. Никто не может причинить вам вред или обидеть. Восемь. Шум волн и запах морского прибоя навевает прекрасные мысли и убаюкивает. Семь. Каждая мышца вашего тела расслаблена, а веки наливаются тяжестью. Вам хочется погрузиться в мирный приятный сон. Шесть...

Сам чуть не уснул, пока Эдуард Арнольдович добрался до нуля.

Или Ника великая актриса, или она и правда уснула. Поза стала более расслабленной, лицо – безмятежным, а дыхание – ровным и глубоким.

– Ника, где вы сейчас? – прозвучал бесстрастный голос гипнотизера.

– На пляже, пропускаю сквозь пальцы горячий песок и смотрю, как поблескивает вода под лучами солнца.

– Это замечательно, а чем вы занимались час назад?

– Изучала папки в своем ноутбуке, ела булочку и запивала ее какао.

– Вам понравился напиток?

– Нет, слишком сладкий.

– Вероника, а теперь отматываем время и посмотрим, что вы делали месяц назад.

Девушка нахмурила лоб и сжала кулаки.

– Я не вижу.

– Вероника, ничего страшного. Все замечательно. Вы молодец. Постарайтесь рассказать, что вы почувствовали, когда очнулись в больнице.

– Больно! – почти выкрикнула Ника. – Голова раскалывается, и тело ломит. А еще я слышу голос мужчины: он назначает мне какие-то препараты, а после стало неприятно в области сгиба локтя. Вдобавок под ухом что-то надоедливо пищит. Звук раздражает, а рука не поднимается, чтобы его выключить.

– Умница, – похвалил врач девушку. – А как вы себя чувствовали на следующий день?

– Лучше, – ответила Ника и улыбнулась. – Особенно когда в палату пришел Ярослав, вообще боли не было.

Ух ты, а поподробней?

– Теперь вспомните самый счастливый момент вашего детства, – обломал меня доктор и опять попытался вернуть девушку в прошлое.

Ника вся сжалась, задержала дыхание и помотала головой.

– Не могу! – выдохнула она, и доктор, взглянув на меня, пожал плечами.

– Вероника, я сейчас сосчитаю...

Эдуарду Арнольдовичу не удалось пробиться в прошлое, и он, по всей видимости, решил вывести пациентку из состояния гипноза, но я не позволил, выставив ладонь.

«Расспросите о последних двух неделях. В деталях», – черкнул я на листке бумаги и сунул его Фергану. Тот одарил меня понимающим взглядом и кивнул.

– Вероника, вы сказали, что когда в палате находился Ярослав Павлович, вам было хорошо и вы не чувствовали боли. Почему?

– Не знаю, но когда рядом Яр, мне ни до чего нет дела, кроме него. Сердце при виде него замирает, а если он случайно меня коснется, то дух перехватывает. Я потом еще долго его тепло на теле ощущаю. Ярослав добрый, заботливый, безумно красивый, сильный. Но я постоянно переживаю, что ему наскучит меня опекать и он больше никогда не придет.

Я отдавал себе отчет: есть вероятность того, что Ника притворяется, но все равно улыбался во весь рот, как мальчишка. Ликование – вот что я сейчас чувствовал, а не должен был.

Эдуард Арнольдович потянулся к столу, взял карандаш и написал на листке: «Достаточно?»

«Нет», – крупными буквами ответил я, тут же разблокировал мобильный и включил диктофон.

А что такого? Ника сама разрешила записывать.

Доктор задавал вопросы, и девушка тешила мое самолю-

бие, как никто другой. Соловьем пела мне дифирамбы. Притворяется Вероника, что попала под воздействие гипноза или нет, я в любом случае в выигрыше. Не притворяется – значит, я ей искренне нравлюсь. Притворяется – ее никто не заставлял мной так восхищаться, могла бы и вежливыми фразами благодарности отделаться. Расцениваю ее слова как призыв к активным действиям и намек на то, что пора бы нам завязывать с платоническими отношениями.

Вероника

Распахнув глаза, я резко села, не понимая, удалось Эдуарду Арнольдовичу ввести меня в транс или нет.

Огляделась. Все на прежних местах: доктор – на стуле для посетителей напротив дивана, Ярослав облокотился на край стола. Вид у него какой-то уж слишком довольный, он прямо светится весь.

Наверное, все получилось, вот Койдан и радуется.

– Ну как? – поспешно надевая обувь, поинтересовалась я.

– К сожалению, результата нет. Вы ничего не вспомнили, – развел руками доктор. Дальше он привел какие-то научные факты, которые прозвучали скорее как оправдание, чем как объяснение. Если честно, из-за обилия специфических терминов я ничего не поняла.

Я расстроилась: такие надежды на гипноз возлагала! Снова взглянула на Ярослава. Он по-прежнему улыбался. Чему,

спрашивается?

– А запись можно послушать? – попросила я, и тут врач меня удивил. С застывшим на лице немым вопросом он развернулся к Ярославу.

Ему что, разрешение нужно?

– Эдуард Арнольдович, будьте добры, включите диктофон, – строго потребовала я.

Никто не кинулся тут же выполнять мою просьбу, и нажим в голосе не помог: доктор мялся, вертел в руках диктофон, а после и вовсе спрятал его в карман пиджака.

– В чем дело? – разозлилась я, причем претензию адресовала Ярославу, ведь он тут всем рулит.

– Ни в чем, – пожал плечами Койдан и распорядился: – Доктор, что же вы медлите? Нике не терпится, не заставляйте барышню ждать.

Яр еще фразу не успел закончить, как запись пошла.

Врач задавал вопросы, а я отвечала каким-то странным чужим голосом, но ничего криминального не говорила. Так я думала, пока речь не зашла о Ярославе и из меня не посыпались откровения.

– Выключите, – простонала с горящими от смущения щеками. Теперь поведение доктора стало понятным: он просто оберегал меня от неловкой ситуации.

Ярослав поблагодарил Эдуарда Арнольдовича, они пожали друг другу на прощание руки, и когда Ферган уже схватился за ручку двери, чтобы уйти, я тихо буркнула:

– Сотрите, пожалуйста, запись.

– Как скажете, желание пациента – закон. – Он при мне достал диктофон, нажал пару клавиш и изрек: – Готово.

– Спасибо, – пряча глаза в пол, поблагодарила я.

– Ника, Ника, – с наигранным осуждением покачал Яр головой, когда доктор оставил нас вдвоем. – Что же ты так покраснелась? Мы не чужие, ничего постыдного ты не сказала. Наоборот, мне было ужасно приятно.

Да? А я теперь год не отважусь смотреть тебе в глаза, все мысли с потрохами сдала, словно в душу к себе позволила заглянуть. Хорошо, что до конца не дослушала, а то сквозь землю бы провалилась.

Глава 7

Ярослав

Или кругом одни шарлатаны, не умеющие работать и не знающие дела, которым занимаются, или Ника не врет. Все специалисты, которые осматривали Одинцову, хором твердят: амнезия настоящая с вероятностью девяносто процентов. А куда девать оставшийся десяток сомнений? Она и так меня один раз ох как круто облапошила. Сначала очаровала, а потом развела.

Снова включил запись Вероникиного сеанса. Уже со счета сбился, сколько раз я ее прослушивал, как минимум шесть, а рука стереть не поднимается. Маньяк я слуховой. И так понимаю, останавливаться не собираюсь.

Я наострил ухо. Если не ошибаюсь, Ника вышла из спальни. Ага, наверное на кухню пойдет, ужинать-то она отказалась, а голод не тетка.

Мне, кстати, тоже на кухню не помешает наведаться: в горле пересохло, страсть как пить хочется.

Я подождал минуты три и спустился на первый этаж. Нику застал возле раскрытого холодильника, она набирала еду.

– И мне что-нибудь прихвати, – хохотнул я. Ника вздрогнула всем телом и от испуга уронила на пол кусок буженины и сыр.

– Ой, я думала, все уже спят, – приложив руку к груди, выдохнула она.

– Вижу, поэтому в одной майке и трусах по дому разгуливаешь?

Я, конечно, слегка преувеличил, скорее в шортах, но очень коротких.

– Это пижама, – надула она губки, оглядев себя.

– Согласен, но ее верх надет на голое тело. Прости, но соски просвечивают. И сей факт меня порадовал бы, если бы я не разрешал я работникам при необходимости и во время ночных смен перекусывать на кухне.

Пока Ника растерянно хлопала ресницами, я подошел к ней, чтобы приласкать, но она пробормотала что-то в свое оправдание и рванулась к выходу.

– Не так быстро. – Обхватив Нику за талию, я поймал ее и крепко прижал к груди. – Я соскучился, – прошептал ей на ухо и прикусил мочку ее уха. – Не убегай.

Вероника

Он так близко, его бархатный голос с хрипотцой завораживает, слова приятно греют душу. Раствориться бы в ощущениях, забыться, но нет, не могу. Меня не покидает стойкое ощущение, что я в руках хоть и желанного, но незнакомца.

– Нет, – тихо и неуверенно шепчу в ответ, а сама задыхаюсь от томительных переживаний. – Пожалуйста, не надо.

Койдан меня словно не слышит, более того, его прикосновения становятся смелее. И вот уже одна рука забралась мне под майку и вовсю там хозяйничает, а вторая бесстыдно мнет попу.

Я понимаю: Ярослав распалается с каждой секундой все жарче, и если я его не остановлю, мы перейдем грань платонических отношений прямо здесь и сейчас.

– Яр, – простонала я, запрокинув голову от удовольствия. – Ты же сам говорил, на кухне могут появиться посторонние.

Вместо того чтобы отпустить меня, Койдан закрыл мне рот жадным горячим поцелуем, подхватил на руки, донес до стола и усадил. Он навалился на меня всем телом, и вот я лежу, обхватив его талию ногами, и страстно отвечаю на ласки. Ярослав чуть отстранился и ловко стянул с меня шорты, и тут меня как холодной водой из ведра окатило.

– Нет, – округлила я глаза. – Я не готова.

– А мне так не кажется, – каким-то безумным голосом ответил он и, опять устроившись у меня между ног, потянул мой топ вверх.

– Прекрати, Яр, не разочаровывай меня! – выкрикнула я и с силой толкнула его в грудь.

– Ты понимаешь, что со мной делаешь? – тяжело дыша, процедил Койдан, но хватку ослабил, потом и вовсе убрал руки. – Ника, иди к себе в комнату.

– Яр... – Я погладила его по щеке, но он, чтобы избежать

дальнейшей ласки, резко дернул головой.

– Иди к себе, Ника! – рявкнул он на всю кухню. Оттолкнулась от столешницы и нащупав ступнями твердую поверхность, я со всех ног рванулась прочь, от греха подальше.

Я все понимаю, у Ярослава есть естественные мужские потребности, но если он еще раз потеряет голову, я соберу вещи и уеду.

Ярослав

«Сука! – Раздирающая меня злость заставила смести со стола кипу бумаг. – Какой же я идиот, что опять вляпался по самое не хочу в это дерьмо. Ника снова забралась мне под кожу».

– О-о-о, – присвистнул только что вошедший в мой кабинет Стас Лютев. – Кто-то опять не в духе.

– Иди ты, – послал я куда подальше своего заместителя.

– Дай угадаю. – Стас остановился и, подняв вверх палец, изобразил задумчивость, а потом выдал: – Ника! Только эта птичка может вывести тебя из равновесия и заставить швырять вещи.

Подобрав с пола разбросанные документы, он демонстративно положил их передо мной на стол и вальяжно расположился в кресле напротив.

– Ну давай, мои уши в полном твоём распоряжении на целых сорок минут, – сказал Стас, взглянув на свои наручные

часы. – Начинай скулить.

– Пошел вон! – рявкнул я, и друг расплылся в довольной улыбке.

– Так-то лучше. Какого черта ты раскис и почему встречу с «ТрансКред...» – короче, не вышепчешь их наименование – пропустил? Год, между прочим, их окучивали, и когда все на мази, сделка лежит на блюдечке с голубой каемочкой, ты просто забил?

– Не забил, а вовремя остановился. На, посмотри. – Я вынул из верхнего ящика стола папку с полным досье на потенциального партнера и сунул ее Стасу. – Твой «ТрансКред-Строй» в полной попе. Это у них на бумаге все красиво и замечательно, но, как говорится, на заборе тоже много чего написано, а вот их реальное положение дел и цифры далеко не радужные. Они идут на дно и нас за собой потянут.

Друг пробежался по отчету, смачно выругался и сказал:

– Все-таки у тебя чуйка. Не зря ты с самого начала на них бочку катил. Жаль, на баб этот эффект не распространяется. Тогда бы ты эту тварь и на километр к себе не подпустил.

– За языком следи, – оскалился я. Сколько раз я мысленно и вслух сам называл так Нику, но другим оскорблять ее не позволю, это моя прерогатива и только моя.

– Ой, ну простите, как я посмел столь неуважительно отзывать о будущей госпоже Койдан, – с иронией в голосе произнес Стас, а потом его лицо приобрело серьезное выражение. – Ярослав, я сейчас на правах друга заявляю: вклю-

чай мозги и гони ты эту... – Лютев не осмелился еще раз обозвать Веронику и проглотил грубое слово, – куда подальше. Помнишь, как ты рвал и метал? Обещаниями сыпал, что кожу с воровки живьем сдерешь. А в итоге? Ника у тебя в доме на правах хозяйки, носишься с ней, как с принцессой. Зараза смазливая.

– А что мне остается? – стукнул я по столу кулаком и так резко встал, что кресло откатилось к стене. – Думаешь, меня устраивает такое положение дел? Но у Ники флешка с конфиденциальной информацией. Представляешь, какие проблемы возникнут, если ее обнаружат?

– Остается твою красавицу минут на пятнадцать в нужные руки передать, она мигом захлеб запоет: и кто ее нанял, и где флешка, – Стас, как и я, поднялся с кресла и сверлил меня взглядом. – Дай отмашку, и я все устрою.

– Пока существует хоть малейший шанс, что Ника потеряла память, – нет, – решительно отказался я, и друг скривился.

– Две недели назад ты был уверен, что она симулирует. Сейчас сомневаешься. Пройдет месяц, и ты как пить дать свято уверуешь во все, чтобы она ни сказала.

– Это не твоего ума дело. Не лезь, куда не просят, – заявил я Стасу и тот, сбавив обороты, снова присел.

– Конечно, не моего ума дело, но и не твоего, за тебя товарищ в штанах все решает. Выгуляй его уже, – разряжая накалившуюся обстановку, пошутил Лютев. – Прошвырнемся

вечером, развлечемся? Я тут недавно с такой мадмуазель познакомился, хочешь, она подругу позовет?

– Стас, ты неисправим. Кобелина эдакая, ты же еще развод с третьей женой не оформил, четвертую присматриваешь, – хохотнул я.

– Ну уж нет. Хватит. Больше я в ЗАГС не ногой. Так что насчет вечера?

– Пожалуй, откажусь, – протянул я, и друг невесело усмехнулся.

– Одинцова – точно ведьма. Вот бы одной из моих бывших ее секрет разузнать, дети бы при отце росли. Ладно, передавай своей красавице привет и пламенный поцелуй от дяди Стаса в какое-нибудь пикантное место.

– У тебя зубы лишние? – потирая кулак, пригрозил я.

– А ведь мы из-за нее уже чистили друг другу морды. Дважды. Что, дружище, бог троицу любит? – Стас подскочил и сгруппировался в боксерскую стойку. – В следующий раз я тебя точно в нокаут отправлю.

– Да-да. Ты это обещание с детства твердишь, все никак выполнить не можешь. Слушай, топай уже, надоел.

– Уйду. Только ответь, ты когда зайку мою вернешь? Грустно без нее. Грымза, которую ты мне подсунил вместо Леночки в помощницы, страшно бесит, глазу упасть не на что: очки на все лицо и голос противный, скрипучий.

– Да хоть сейчас забирай, – небрежно махнул я рукой. – И вообще, ты зачем ее расхваливал, она же, кроме как кофе

варить, ничего не умеет. Зачем такой работник нужен?

– А зачем тебе на стене вон тот меч? Для эстетики. Вот и Леночка для того же. Зая! – во все горло завопил Лютев. – Собирай вещи, папа тебя домой забирает.

Стас толкнул дверь, и сквозь образовавшуюся щель стало видно, как Елена радостно запрыгала от счастья. Все, каторга у злого босса закончилась, да здравствует вольготная жизнь.

Если вспомнить всех моих секретарей, – а их было предостаточно, – никто и рядом с Никой не стоял: тихая, спокойная, исполнительная, наперед все ходы просчитывала, с людьми общий язык умела находить... Если бы она не занималась шпионажем, сделала бы отличную карьеру. Я ей повышение чисто из эгоистических целей не предлагал, не хотел из поля зрения выпускать.

Как и заведено, когда я зашел в дом и привычным движением бросил ключи от машины в вазу на столике, меня встретила Маргарита Степановна.

– Ярослав Павлович, в котором часу ужин подавать?

– У Ники поинтересуйтесь, я – как она.

– Вероника уже поужинала, – сообщила домработница и недовольным тоном добавила: – И не одна, а в компании.

– С кем это? – рявкнул я. Если парня из охраны в здание фирмы не перевели, за нерасторопность головы полетят.

– С поварихой и девушкой, которая комнаты убирает, – ответила Маргарита, и от сердца отлегло. – А еще она в дом щенка принесла, сказала, что вы ей его подарили. Чувстvue-

те, – острый нос домработницы зашевелился, – повсюду уже псиной пахнет.

– Маргарита, вам кажется, ничем не пахнет, – устало бросил я и уже наступил на первую ступеньку лестницы, но она меня остановила.

– Ярослав Павлович, я редко вас о чем-то прошу, но сейчас вынуждена. Поговорите с Вероникой. Подпуская близко обслуживающий персонал, она вредит не только порядку в доме, но и самим работникам. Каждый должен знать свое место. Я много лет взращивала здесь атмосферу беспрекословного подчинения, а после совместного ужина горничная, между прочим, впервые за три года работы без единого больничного и прогула попросилась пораньше уйти. Вероника похлопотала за нее, и мне ничего не оставалось, как отпустить.

– Марго, ничего страшного, если кто-то из сотрудников в кои-то веки отлучился. Не драматизируйте.

– Сегодня, когда я пришла за корзиной с грязным бельем, ваша девушка заявила, что ей будет неудобно, если ее вещи стирать будет кто-то другой, и спросила, где у нас прачечная. Потом она лично убралась у себя в спальне, а сейчас она на кухне помогает чистить картофель.

Вот как, интересно. Я поменял направление и двинулся на кухню.

По мере приближения к цели все отчетливей доносился запах свежей выпечки и громче звучали голоса, исполняв-

шие красивый старинный романс. Чтобы не спугнуть певуний, я на цыпочках бесшумно подкрался к двери и, облокотившись о косяк, наслаждался картиной. Ника с розовой косынкой на голове тянула вместе с тучной Ниной Николаевной высокую ноту, при этом повариха раскатывала на столе тесто, а Ника накладывала в готовые кружк???и малиновое варенье и лепила пирожки. Перепачканная мукой, девушка выглядела крайне мило и трогательно, особенно когда запястьем протирала лоб, припудривая лицо белой пылью.

Глава 8

Вероника

Я с наслаждением подвывала тете Нине, тянувшей слезливую песню, и чуть в обморок не упала, когда подняла глаза и увидела возле двери задумчивого Ярослава. Стыд и позор. Ладно, тетя Нина, у нее голос поставленный, а я вопила, как голодная кошка в майский период.

Вжав голову в плечи, я смущенно улыбнулась Койдану. Он никак не реагировал, все так же не мигая смотрел на меня, и непонятно было, что у него на уме. Лишь бы из-за щенка не злился, а то его домоправительница разнос мне от хозяина обещала.

– Привет, – первой заговорила я, ведь мы сегодня не здоровались. Когда я спустилась утром к завтраку, Ярослав уже уехал на работу. Наверное, ночной инцидент не хотел обсуждать.

– Привет. Изумительно пахнет, – ожил он и шагнул в помещение кухни.

Я мигом стряхнула муку с рук, схватила салфетку и обернула ею уже готовый пирожок.

– Попробуй, – предложила я и, лишая его возможности отказаться, сунула ему выпечку прямо в рот.

– Вкусно, – неразборчиво произнес Яр, прожевывая до-

статочно горячее лакомство. – Раз на то пошло, тогда и чай наливай.

– О-ой, – схватила за голову повариха. – Я же водителю еще список продуктов не подготовила. Пойду, а то опоздаю.

Да-да, конечно. Водитель этот список получил еще час назад, вместе с подробными наставлениями насчет качества товаров.

– А я не с пустыми руками. Сегодня днем хотел позвонить и вспомнил, что мобильного у тебя нет. Держи. – Ярослав протянул мне белую коробочку.

– Спасибо, – не взяв подарок, поблагодарила я, – но я нашла в вещах телефон, наверное, запасным был. Он, правда, старенький и кнопочный, зато батарею держит дольше недели. Мне бы лучше новую сим-карту.

– Ника, не обижай меня, бери. – Яр полез в карман и вынул оттуда красную карточку. – И симку я твою восстановил. Вдруг решу сообщение послать, вряд ли твои дряхлые кнопочные дрова его примут.

– Я с тобой вовек не рассчитаюсь, – обреченно подытожила я и, присев, торопливо распаковала подарок. – М-м-м, какой.

– Ника, ты на меня не злишься за вчерашнее? – виновато спросил Койдан и, обойдя сзади, положил ладони мне на плечи.

– Нет, и спасибо за цветы. Очень красивые. А какие слова замечательные в записке! Три раза перечитывала.

Я чуть не взвизгнула – его пальцы больно впились в кожу, и Яр зарычал:

– Я не посылал тебе цветы!

– А кто тогда? – морщась от боли, обернулась я.

– Ты меня спрашиваешь? А я у тебя хотел спросить, – с претензией рявкнул он, но хоть ручищи убрал.

– А мне откуда знать? – возмутилась я. – Подписи там нет. У меня даже сомнений не возникло, что подарок не от тебя.

– Где записка?

– Там же, где и цветы, в моей спальне.

– Пошли посмотрим, – кивнул Яр на дверь.

Черт-черт-черт. В комнате же щенок. Этот маленький паразит погрыз спинку кровати, штору сдернул с окна, и замывшее пятно на ковре, наверное, еще не высохло. Ярослав увидит безобразие и запретит мне собаку в доме держать.

– Давай я ее сюда принесу, – предложила я и, не дожидаясь решения Койдана, помчалась из кухни.

– Нет, я и на веник не прочь взглянуть. – Он меня сначала догнал, а потом и перегнал.

Яр уже зашел в спальню, а я боязливо мялась у порога. Жуть как не хотелось маленького обратно в уличную будку возвращать.

Деваться некуда, неприятный момент, сколько ни оттягивай, все равно наступит. С зажмуренными глазами я шагнула вперед. Ситуация оказалась еще печальней, чем я предполагала. Щенок еще больше нашалил.

Он как-то умудрился открыть шкаф и отгрыз у босоножка каблук, но это-то полбеды, моя же вещь. Однако зловонная куча возле кровати и разбросанные по полу перья из подушки – это очень скверно.

– Яр, только не ругайся. Я его обязательно приучу нужду в правильном месте справлять, куплю игрушки специальные, и он не будет мебель портить, – пообещала я, но Койдан так увлекся чтением записки, что, похоже, меня не услышал и беспорядок не заметил.

– А ты все не уймешься, – глядя на записку, злобно выплюнул он и, разблокировав мобильный, поднес его к уху. – Стас, у меня новость. Проект «Аврора» без твоего личного присутствия погибает. Собирай манатки, ты срочно летишь в командировку.

Что именно ответил этот самый Стас, я не разобрала, но он так орал, что Койдану пришлось убрать телефон подальше от уха.

– Ничего, не замерзнешь. Все-таки лето на дворе. Кроме того, для обогрева и в виде бонуса разрешаю Заю прихватить, – хохотнул Ярослав, и из трубки донесся отчетливый и весьма громкий трехэтажный мат. – Да мне плевать, я сказал – вылетаешь, значит уже к завтрашнему вечеру я твою рожу в офисе не наблюдаю. Понял, шутник недоделанный?

Что на этот раз ответил на поставленный ультиматум Стас, осталось для меня загадкой, но Яр его слушал и скалился, а потом и вовсе оборвал:

– Все, стихоплет, отключаюсь, и спасибо, что о вечере напомнил. Прийти ты на него можешь, но с условием, а с каким – сам, наверное, догадываешься, не совсем же ты тупой.

Закончив разговор, Яр повернулся ко мне и брезгливо помахал запиской:

– И ты подумала, что вот эту слезливо-романтическую хрень мог написать я?

– А мне, между прочим, слова понравились. Знаешь, девочки любят, когда их осыпают комплиментами, – заявила я и тоже шагнула в сторону, как и Койдан, чтобы щенка от его глаз прикрыть. Маленький разлегся на постели и дрых без задних лап. – А кто такой Стас?

– Поклонник твой, никак не уgomонится. Ну ничего, посидит, как он выразился, в «дыре», поумнеет, – высказался он, и тут его взгляд упал на ароматную кучу.

– Яр, я уберу, только разреши мне оставить...

– Ника, комната твоя, хоть мамонта здесь посели. Только проследи, чтобы твой питомец ко мне не пробрался. Мне вот такие, – Койдан ткнул пальцем в щенячьи какашки, – сюрпризы не нужны.

– Договорились. – Я чуть ли не подпрыгнула от радости.

– Взамен сделай мне одолжение. Завтра вечером назначено одно мероприятие в ресторане, не помню конкретно с какой, но о-очень благородной целью. Составишь мне пару?

– Ладно.

Он улыбнулся и направился к выходу, прихватив и запис-

ку, и мой шикарный букет красных роз.

– А куда это ты мои цветы понес?

– Суну их отправителю, надеюсь, в уже собранный для поездки чемодан или сожрать заставлю. Не знаю, еще не решил.

Я выдохнула. Судя по тому, как Стас уверенно спорил с Ярославом, они друг другу равня. Парень может за себя постоять, а вот охранник, который передал мне через повара тетю Нину антикварную брошку, вряд ли. Если Койдан узнает о его знаке внимания, чую, туго молодому человеку придется. Завтра поеду в город, в салон красоты наведаюсь, перышки почищу и заодно и к Диме загляну, верну дорогую вещь.

Ярослав

Вероника – непостижимая тайна, в ней словно одновременно два человека уживаются: один до умопомрачения светлый, с доброй душой, умеющий сопереживать, а второй – беспринципный циник, способный в любую минуту нож тебе в спину воткнуть. Взять хоть девушку, которая у меня работает. Я выяснил, почему Ника ее просила ее пораньше с работы отпустить. Оказывается, горничная – молодая мать-одиночка. Родила ребенка с ДЦП, не прошло и года, мужа как ветром сдуло. Бедняжка на время работы чадо с бабушкой оставляла, но та в больницу слегла, сердце прихватило.

Девушка второпях няньку наняла и извелась в переживаниях: доверить особенного ребенка чужому человеку не так просто. Горничная у меня три года исправно трудилась, а я понятия не имел, чем она живет и какие у нее проблемы. Да и для Маргариты Степановны, непосредственной ее начальницы, стало откровением, что у подчиненной ребенок есть, а мужской, вернее, никакой поддержки нет. Ника за несколько дней не только подружилась с девушкой, но и вникла в ее трудности и, чем смогла, помогла.

Если бы не звонок от скрытого сопровождения, я бы так и ломал голову, какая из двух личностей Ники настоящая.

– Ярослав Павлович, Одинцова вышла из салона красоты, – сообщил безопасник, и я взглянул на часы: вот же, женщины! Ника более четырех часов подряд марафет наводила. – Затем она поймала такси и в данный момент движется в восточном направлении. Цель поездки, к сожалению, пока не выявлена.

– Хорошо, держите меня в курсе, – ответил я и сбросил вызов.

Не прошло и получаса, как я опять услышал голос сотрудника, следившего за Никой.

– Ярослав Павлович, такси припарковалось. – Парень назвал адрес, который даже приблизительно мне ничего не сказал, и добавил: – Девушка вошла в подъезд жилого дома и поднялась на третий этаж.

– Зачем? – вырвался у меня вопрос. Я-то думал, она в тор-

говый центр собралась за нарядом или еще за чем.

– Дверь ей пока не открыли, адрес пробиваем, но осмелюсь предположить. Вы недавно из своего дома в офис компании перевели охранника Дмитрия Колбу. Если мне не изменяет память, это его место жительства по прописке. – Пока я переваривал информацию, безопасник после паузы пояснил: – Да, это точно его адрес, только что пришло подтверждение.

Сука! Как же так?

– Она в квартиру вошла? – еле сдерживая ярость, прорычал я.

– Нет. Дверь ей открыли, но девушка осталась на лестничной клетке. Нам вмешаться?

– Хоть апокалипсис устройте, но любыми путями вытащите ее оттуда, только если внутрь зайдет. Останется в подъезде – сидите тихо, себя не выдавайте.

А вот и вторая сущность на горизонте нарисовалась: похоже, нехило в прошлый раз голубки прогулялись, раз Ника к нему в гости наведалься. Придушу мерзавку. Дурака из меня делает, и с кем! С моим же сотрудником. Хотя ставлю ей плюс, в квартиру не вошла. Ладно, рано выводы делать, вполне возможно, она объяснит эту поездку.

Глава 9

Вероника

При полном параде я крутилась возле зеркала. Яр запаздывал, но это ничего. Ногти на руках и на ногах выглядели идеально. Прическа – тоже полный блеск, мастер постарался на славу и вытянул волосы один к одному. Макияж в салоне делать не стала, кто лучше меня, любимую, накрасит, чем я сама? Да никто. Зато косметики накупила, хоть с кем-нибудь делись. Платье выбрала черное, прямое, по фигуре, чуть ниже колен, и такого же цвета туфли, разумеется, на высоком каблуке. Смотрю на отражение и сама себе нравлюсь.

Выглянув в окно, заметила, как Койдан заехал в гараж, еще раз проверила, все ли в порядке, одернула платье, взбила волосы, выпрямила спину и отправилась встречать кавалера. Нет, не так: пошла хвастаться внешним видом, рассчитывая услышать в свой адрес парочку комплементов.

– Привет, – с улыбкой поздоровалась я, предварительно встав в красивую позу.

– Привет, Ника, – даже не взглянув, сухо ответил мне он. Похоже, переоценила я себя. Реакции вообще никакой.

– Как день прошел? – поинтересовалась я, видя, что Койдан мрачен и явно не в духе.

– Да так себе... Новость неприятную узнал, не бери в го-

лову. Ты чем занималась? – спросил он и очень внимательно, с прищуром на меня посмотрел.

– В город ездила. Посетила заведение для девочек. В магазин заглянула. Ничего особенного. А что за новость? – решила я уточнить.

Яр ответил не сразу, подошел ближе и взял меня за руку.

– Знаешь, Ника, что я больше всего на свете не перебарываю. – Это прозвучало не как вопрос, и предполагать я не стала. – Когда мне нагло врут. Глядя в лицо. Причем к вранью я отношу и утаивание. Если человек не сказал что-то важное, чисто теоретически, он, конечно же, не лгал. Но лично для меня это так же неприемлемо, как и откровенная лапша на ушах.

Я сглотнула и вся сжалась. Внешне Койдан вроде бы оставался спокоен, но в его тоне было столько скрытой агрессии...

– Тебя сегодня кто-то обманул? – тихо спросила я и инстинктивно погладила его по руке от локтя до запястья.

– Да, причем человек, которому я хочу от всего сердца верить. Ника, я выслушаю, постараюсь влезть в любую шкуру, чтобы понять, но для этого мне надо открыться и все рассказать.

– Поддерживаю, абсолютно правильная позиция, – согласилась я. – А мы на вечер случайно не опаздываем?

Понятия не имею в чем дело, но похоже, Ярослава разозлил мой ответ.

– Ничего, успеем. Я в душ и переоденусь. Займет максимум минут пятнадцать, – бросил Койдан и, развернувшись, пошел наверх. – Ника, – остановился на середине лестницы Яр, – а тебе есть, что мне сказать?

– Нет, – помотала я головой и рассмеялась. – Забыл? Я круглые сутки сижу дома, ничего интересного.

Лишь когда он скрылся из поля зрения, пришла мысль: по логике Яра, я ему тоже солгала, не открылась, что к Диме ездила.

Койдан действительно спустился очень быстро. Несколько раз в машине я порывалась рассказать ему об охраннике, но за парня сразу становилось страшновато, и я умолкала. Да и Яру, как назло, беспрестанно названивали. В общем, к ресторану я подъехала, не раскаявшись, а когда Койдан подал мне руку, чтобы помочь выйти из авто, и вовсе обо всем забыла. Нас встречали у входа чуть ли не с красной ковровой дорожкой, в здание мы зашли, словно были как минимум кинозвездами, по крайней мере, я себя такой ощущала.

– Все-таки мы припозднились, – шепнула я Яру в зале. – Все уже собрались.

Рассматривая женщин и их платья, я пожалела, что ничего нового себе не купила, а пошла в имеющемся и, как теперь понимала, слишком скромном для здешней пафосной тусовки. Выделяюсь.

– Шампанское? – спросил Койдан, и я отрицательно покачала головой. – А я не откажусь, – задумчиво протянул он и

поймал взглядом официанта с подносом. Сообразительный парень мгновенно отреагировал на желание гостя и предложил нам напитки.

– Чувствую себя не в своей тарелке, – пожаловалась я. – А раньше мы посещали подобные места?

– Да, но не часто. И эту самую фразу «о тарелке» ты каждый раз повторяла.

– Какие люди! – выкрикнул из толпы внушительных размеров мужчина преклонных лет и подошел, прихватив с собой молодящуюся даму, одетую не по возрасту в слишком откровенное красное платье. – Вероника, – кивнул он мне, – рад вас видеть. А где ваш блокнот?

– Ника временно не исполняет обязанности секретаря, она здесь в качестве моей спутницы, – ответил Ярослав за меня, и мужчина довольно заулыбался.

– Вот значит как. А я давно подозревал, что между вами что-то есть.

– Ярослав, ты разбил сердце доброй половине присутствующих женщин. Завидный холостяк больше не в поиске. Снова, – буйно жестикулируя длинным маникюром, изрекла женщина в красном и одарила меня просто убийственно злобным взглядом.

Интересно, что значит «снова»?

– Настенька, – позвала кого-то дама, развернувшись к нам спиной, и тут же стало ясно, почему она ко мне так враждебна. К нам присоединилась девушка лет двадцати весьма

приятной наружности. – Ярослав, ты же помнишь нашу дочь Анастасию, – слащаво пропела мать девицы на выданье и подтолкнула чадо поближе к моему мужчине.

– Разумеется, – отозвался Ярослав и поприветствовал смущенную Настю.

Пока Койдан общался со знакомыми, мать семейства незаметно оттеснила меня в сторону, и я оказалась как бы за бортом теплой беседы.

Я без проблем могла бы занять прежнее место, например, взять Ярослава под руку. Но зачем? Койдана все устраивает. Он стоит, улыбается, на меня внимания не обращает.

«Ну и ладно», – подумала я и, дабы не мешать, ушла. Когда мы заходили внутрь, я заметила, что у ресторана есть открытая терраса, вся в цветах. Туда-то я и направилась.

Я оглядела пустынную террасу, недоумевая, почему такое чудесное место гости обходят вниманием. Облокотившись о перила, стала всматриваться в огни вечернего города. Ветер приятно охлаждал кожу и одновременно портил работу парикмахера, но мне было все равно. Яр даже не заметил, как я для него старалась.

– Птичка, вот ты где, – послышался голос за спиной, и я обернулась.

Высокий широкоплечий мужчина лет тридцати со скрещенными на груди руками подпирал стену и сверлил меня уверенным и самодовольным взглядом.

– Простите, мы знакомы? – растерянно поинтересовалась

я.

– Еще как знакомы. – Поиграв бровями, мужчина двинулся ко мне. – Не думал, что представится возможность поговорить с тобой наедине. Как это твой цербер оставил свое сокровище в одиночестве?

Парень явно имел в виду Койдана и был не понаслышке знаком с его ревнивым характером.

– Ярослав в данный момент занят, ему предлагают более достойную кандидатуру в спутницы жизни.

– Да ну! – восхитился мужчина моим откровенным заявлением. – Гиблое дело. Яр любит сам выбирать, ему ничего не втюхаешь.

– И тем не менее он там, а я здесь.

– Пусть там и остается, а то мне строго запрещено к тебе приближаться, – хохотнул незнакомец и оглядел меня с ног до головы. – Выглядишь сногшибательно, впрочем, как всегда.

– Спасибо. Позволь предположить. Ты Стас?

– Он самый. Узнала?

– Догадалась. Чемоданы собрал?

– Все-то ты знаешь, птичка. Между прочим, из-за тебя пострадал. Послал девушке невинные цветочки и в ссылку угодил. Замолвишь за меня словечко? – попросил он, но сразу передумал. – Хотя нет, этот Отелло еще чего-то себе напридумывает, и сидеть мне в глуши не месяц, а год.

Почему-то я вела себя со Стасом как с закадычным дру-

гом, в его компании чувствовала себя раскрепощенно и легко.

– Ну и наглый же ты. Сам Ярослава раздраконил, а я, значит, виновата, – возмутилась я и для важности уперлась кулаками в бока.

– Понимаешь, Ника, какое дело. Кто-то всегда должен быть виноват, но только не я.

– А-а-а, – протянула я. – Тогда вопрос исчерпан.

– Умница, люблю, когда женщина не спорит. – Стас набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул. – Может, обнимемся хоть, давно же не виделись. – Он широко развел руки в стороны.

– Пожалуй, я лучше откажусь, ради твоего же блага, – шагнула я назад. – А мы тесно общались?

– Не так тесно, как мне бы хотелось, – прищурился Стас и сократил расстояние между нами до прежнего. – Но дело поправимое.

– Стас, а я тебя обыскалась! – выкрикнула запыхавшаяся девушка, влетев на террасу.

– Зая, – подмигнула я ему.

– Ага.

Симпатичная стройная блондинка вцепилась в Стаса мертвой хваткой и уволокла не очень сопротивляющегося парня за собой. Видимо, не впервые ей приходилось кавалера от других женщин оттаскивать.

Волоски на руках встали дыбом, и я вернулась в более теп-

лый зал ресторана. Играла потрясающе красивая мелодия, и люди, образовав круг, на кого-то или что-то внутри него смотрели.

Из любопытства я подошла и обомлела.

Ярослав танцевал с божественно красивой женщиной, и это была не Настя, которую недавно ему навязывали. Похоже, эта девушка знала себе цену и умела пользоваться своей привлекательностью на все сто. Если бы не щемящее чувство в груди, я тоже полюбовалась бы идеальной парой, восхитилась бы их умением танцевать и отметила бы, как изящно они двигаются. Но нет, смотреть, как Койдан, забыв о моем присутствии, уделяет внимание другой, выше моих сил.

– Сколько бы раз Ярослав ни бросал Ладу, впоследствии всегда к ней возвращается, – услышала я справа женский смехок.

– Да-а, судьба у них такая. Сходятся, расходятся и когда уже им эта беготня надоест? – прокомментировал мужской голос.

– Тс-с-с! Тут его новая пассия рядом, смотри, как глазеет, заплачет сейчас.

Это они что, обо мне?

Изобразив безразличие и легкое веселье, я приняла расслабленную позу и улыбнулась. Никому не позволю глумиться надо мной. Не доставлю такого удовольствия.

Глава 10

Если бы я хоть что-нибудь помнила, унеслась бы в прошлое, в какой-нибудь счастливый денек и отстранилась от невыносимого зрелища. Но, увы и ах, я так не могла. Крепко сжав зубы, я считала: один, два, три... Бесконечно музыка играть не будет, остановится, и танцоры вместе с ней. Я молилась, чтобы благодарная публика не попросила повторить шоу на бис. Второй круг ада я не вытерплю.

К моему великому облегчению, все закончилось, и пока остальные награждали Ярослава с партнершей бурными овациями, я незаметно, под шумок, легкой неторопливой походкой двинулась к длинному столу с закусками. С утра готовилась, как рисовало воображение, к потрясающей вечеринке, и о еде я напрочь забыла.

Великое разнообразие деликатесов и более простых угощений не пробудило мой аппетит. Желудок сводило до тошноты, а вот что-нибудь отправить в рот совсем не хотелось.

«Война войной, а обед по расписанию», – подумала я и прицелилась к корзиночке из слоеного теста с морепродуктами. Официант предложил мне к ней бокал белого вина. Я отказалась и заменила его минеральной водой.

Украдкой я посмотрела в сторону, где недавно стояла. Вот же невезение – сразу наткнулась на ищущий взгляд Ярослава. Он, заметив меня, показал жестом, что сейчас подойдет.

Я напряглась: ведь я еще не остыла, могла наговорить лишнего, а публичная ссора в мои планы не входила. Но вскоре я выдохнула, когда меня выручил какой-то мужчина, который отвлек разговором Койдана, и тот остался на месте.

– Позвольте порекомендовать вам... – услышала я над ухом и чуть не подпрыгнула. – Простите за то, что вас напугал.

– Нет, сама виновата, задумалась и... В общем, все в порядке. – Уняв дрожь, я развернулась к неизвестному мне парню, который протягивал а вытянутой руке что-то похожее на рюмку, но большего размера. На ее дне покоилась светло-желтая масса, наверное, творога, перетертого с сыром, а наверху лежала горкой икра.

– Я за вами долго наблюдал и осмелился подойти познакомиться. Попробуйте, вкусно. Меня, кстати, Никитой зовут, – улыбнулся молодой человек.

– Ника, – отозвалась я и приняла угощение.

Пока молодой человек делился своими познаниями в области кулинарии, в которой, похоже, был профессионалом, я с удовольствием проглотила закуску. Молочные продукты в сочетании с икрой, пряными травами и чесноком мне приглянулись, обязательно найду рецепт в интернете.

– Присядем за мой столик? – предложил Никита.

Так и подмывало согласиться. А что? Ярослав отлично развлекся. Чем я хуже? Кстати о Койдане: похоже, он злой как черт. Общаясь, видимо, с весьма нужным человеком, он

бросал то на меня, то на Никиту испепеляющие взгляды, но от собеседника не уходил.

– В следующий раз обязательно, но сейчас мне пора, – с искренним сожалением отделалась я неопределенным ответом, поблагодарила приятного во всех отношениях парня и от греха подальше направилась в дамскую комнату.

Да, я могла принять предложение и отомстить за унижение, которому меня подверг Ярослав. Но чего бы я добилась? Да ничего хорошего. Обманула бы Никиту, дав ложные надежды. Или еще хуже – столкнула бы их с Койданом лбами. Нас с Ярославом ждет непростой разговор, естественно, дома и наедине, так зачем лишать себя преимущества абсолютной правоты и давать повод для упреков?

Я устало склонилась над раковиной, включила холодную воду и смочила щеки так, чтобы не испортить макияж. Благо никого в туалете нет, и не надо держать хорошую мину, когда на душе кошки скребут.

Из мыслей никак не выходил идеальный образ девушки, которая так самозабвенно танцевала с Ярославом, прижималась к его груди, проводила пальцами по его плечам, словно он принадлежал ей. А может, так оно и есть? У них вышла размолвка, они разбежались, теперь произошла судьбоносная встреча, и бывшие любовники мечтают воссоединиться, а я для них – лишь неприятная помеха.

Что толку гадать, проживем – увидим. Не стану ходить вокруг да около и откровенно поговорю с Койданом.

– Что, овца, как тебе в моей шкурке? Не так весело, как ты думала, да?

Сначала я даже не сообразила, что обратились ко мне, но когда повернула голову в сторону двери, сомнения отпали. Та самая красотка, которая прижималась к Ярославу, явно пришла со мной поскандалить.

Что ненависть делает с лицами людей! Искажает их и уродует. Пыхтящая от негодования девушка в данный момент даже не казалась мне симпатичной.

Я снова повернулась к зеркалу, достала из сумочки блеск и подкрасила губы.

– Ты что, тварь, оглохла?! Или королевское величество не удостаивает вниманием простых смертных? – рявкнула девица, которую, если не ошибаюсь, звали Ладой.

Тварь. Овца. И к этой женщине я приревновала Ярослава! Хотя, с другой стороны, если верить выкрикам из толпы, у них был роман, значит, она как минимум нравилась Койдану.

– Какого хрена ты как рыба молчишь?! – буквально взбесилась соперница и подбежала ко мне. – Видела, как Яр на меня смотрел, как обнимал? У вас с ним и в помине такой страсти нет! Я тебе говорила, что он ко мне вернется? Предупреждала?

– Разрешите пройти, – холодно произнесла я, но Лада не сдвинулась с места, чтобы пропустить меня к выходу, и мне пришлось шагнуть в сторону.

– Не разрешу, пока мы во всем не разберемся, – по-змеиному прошипела она и снова преградила мне путь.

– Если у вас есть какие-либо претензии или проблемы, обращайтесь непосредственно к Ярославу Павловичу. Нас с вами, слава богу, никакие отношения не связывают. – Я осталась спокойной, а за девушку мне было откровенно стыдно. Она на полном серьезе готова была вцепиться мне в волосы из-за мужчины.

– Ты считаешь, что лучше меня? Так я тебя обрадую – мы одинаковые и обе боремся за внимание одного человека.

– Нет, не лучше, но веду себя достойней и ни с кем бороться не собираюсь. Вам нужен Ярослав? Идите, берите его – не мешаю.

– Какая же ты лицемерная сука! Вертела пред ним хвостом, прохода не давала, а сейчас невинность из себя строишь? Не вый-дет, – отчеканила по слогам Лада, размахивая пальцем перед моим носом. – Как же ты только умудрилась выжить, а? Я уже ручки потирала и свечи за упокой ставила, а ты живехонька-здоровехонька, палкой не убить.

– Не вижу смысла в разговоре. – Я попыталась ее обойти, но она одной рукой вцепилась мне в плечо, а другую занесла для пощечины.

Примерно секунд десять мы обе, не шелохнувшись, стояли, вглядываясь друг другу в глаза. Первой сдалась Лада и опустила нацеленную на мою щеку ладонь.

– Если не уверена, что ударишь, не замахивайся, – проце-

дила я, резким движением вырвалась и с огромным облегчением наконец-то покинула дамскую комнату, громко хлопнув дверью.

Облокотившись о стену, я стала делать глубокие вдохи. Пока играл адреналин, ноги, как и все внутренности, так не дрожали. Знала бы я, какой меня ждет кошмар в этом ресторане, под угрозой расстрела сюда бы не пришла.

В поисках свежего глотка воздуха я собралась было опять на террасу, но наткнулась на Ярослава.

– Ника, ты где была? Я тебя потерял.

– Да-а-а? – язвительно протянула я, но быстро обуздала негодование. Хватит с меня на сегодня разборок. Скрывая подробности, объяснила свое отсутствие: – Я носик пудрила.

– Ты какая-то бледная, голова не болит? – Он погладил меня по плечу. Я еле сохранила самообладание, чтобы не отшатнуться.

Надо же, забеспокоился. А где была твоя забота, когда я с отвисшей челюстью наблюдала, как меня прилюдно втаптывают в грязь, а окружающие с упоением хихикают над несчастной брошенкой?

О-ой, что-то меня понесло...

– Нет, не болит. Все хорошо, а мы скоро домой?

– Да, только если ты не против, для приличия поужинаем и сразу уедем. Договорились?

К моему счастью, за столиком мы сидели не одни: по правую руку от меня расположился Яр, а по левую – не знаю-

ций меры в коньяке и болтовне какой-то банкир с супругой. Он без устали вливал в себя алкоголь, гладил под столом коленку молодой жены, а главное, травил байки. Несмешные, глупые, местами пошлые, его бесконечные басни не давали и слова лишнего никому вставить, и с Койданом, если не считать пары фраз, мы практически не разговаривали.

По дороге домой функцию громоотвода вместо банкира исполнял водитель. Неудобно выяснять отношения в полной тишине и в присутствии не просто человека с улицы, а своего работника. Потом я и вовсе притворилась, что заснула.

Переступив порог дома, я проронила ему, что жутко устала, и со скоростью ветра ретировалась в спальню. Там-то я и сбросила напускное хладнокровие и дала выход негативным эмоциям. Заперлась в ванной комнате, встала под теплый душ и от души разрыдалась.

Зареванная, с опухшим носом, я сперва нашла утешение, тискаая щенка, а потом достала чемодан и аккуратно сложила в него все свои вещи. Первый порыв немедленно вызвать такси и убраться отсюда куда глаза глядят я отмела как недостойный взрослого человека. Нет, я не стану сбегать, будто побитая собачонка с поджатым хвостом, среди ночи. Утром поблагодарю хозяина за временный приют, если потребуются, объясню причину отъезда и с гордо поднятой головой распрощаюсь с этим домом.

Глава 11

Ярослав – стопроцентный жаворонок, встает ни свет ни заря, завтракает и уезжает в офис. Обычно к тому времени, когда просыпаюсь я, его уже и след простыл. Так происходит практически каждый день, но не сегодня.

Я поставила будильник на пять утра, но он не понадобился. За всю ночь я и глаз не сомкнула, уже без пятнадцати пять приняла душ, натянула удобную одежду для переезда, проверила, все ли вещи упаковала, и спустилась вниз в столовую, караулить Койдана.

Гнетущее ожидание взвинчивало и без того натянутые нервы, я пила остывший кофе и гоняла в голове придуманные ночью для разговора с Яром фразы. Разумные доводы при свете дня мне более таковыми не казались, но я так чувствовала, так считала и не желала позволять кому-либо вытирать о себя ноги.

Послышались шаги человека, который спускался по лестнице, потом раздался неизменно вежливый голос домработницы, и в итоге, на пороге появился удивленный Ярослав.

В темно-синем костюме, в белоснежной рубашке, бодрый, свежий, безумно красивый. И вот этого сногшибательного мужчину я сейчас собираюсь оставить в прошлом? Или, быть может, пока не поздно, все переиграть, дать шанс той

надежде, которая тихо, почти незаметно, но уверенно теплится в душе? Надежде, что у нашей с Ярославом истории может быть и счастливый конец.

Решение не поменяю и уеду, но и мосты дотла не сожгу. Разрубить ниточку, соединяющую нас с Ярославом, можно в любой момент, а скрепить ее обратно – нет.

– Что за измена традициям? Обычно ты в это время спишь, – поинтересовался Ярослав и, словно вчера ничего особенного не произошло, подошел, поцеловал меня в макушку и присел рядом. – Что-то случилось?

– Да, – кивнула я, но не успела и рта раскрыть для следующего слова, как в комнату с подносом в руках вошла Маргарита Степановна и принялась сервировать стол для завтрака. Она как специально медлила: сначала не торопясь поставила передо мной тарелку с кашей, потом такую же перед Койданом, мучительно долго раскладывала сыр, ветчину, более того, на полном серьезе вознамерилась намазать мне булочку маслом, но я отказалась.

– Ну давай, удиви меня, – скомандовал Яр, когда наконец за домработницей закрылась дверь.

– Первое. Я бы хотела подчеркнуть, что безмерно тебе обязана и благодарна. О долге помню и, несмотря на заверения с твоей стороны, что не нужно, его верну.

– Что-то мне уже не нравится, куда ты клонишь, – нахмурил брови он.

– Яр, не перебивай меня, пожалуйста, и так речь с трудом

дается. Второе. Я собрала вещи и после завтрака намерена уехать.

– Какая муха тебя укусила? Что за хрень ты несешь? – подскочил Койдан, как пушинку, развернул к себе стул, на котором я сидела, и пронзил меня бешеным взглядом.

– Мне некомфортно находиться в полной от тебя зависимости, как моральной, так и материальной. Посуди сам, у меня нет права выбора, я ничего в своей жизни не решаю. Даже медики, которые меня навещают, бегут согласовывать расписание процедур не ко мне, а к тебе. А я боюсь слово вставить, потому что не принято дареному коню в зубы заглядывать. Еще я не понимаю свой статус в этом доме: то ли я нахлебница, то ли твоя девушка, то ли просто обуза, которая надоела и от нее мечтают избавиться, да совесть не позволяет. – Голос предательски задрожал из-за колючего комка в горле, и я замолчала.

Койдан, не моргая, внимательно выслушал мою тираду и, ухватив за плечи, заставил встать.

– Ника, не в моем характере терпеть рядом с собой неугодного человека. Будь ты мне не нужна, вручил бы круглую сумму и попросил на выход. В этом доме у тебя положение хо-зйя-ки. – Последнее слово он выделил, громко отчеканив по слогам. – А то, что контролирую всех и вся... Извини. Это у меня в крови. Я никогда не изменюсь. Раньше ты не жаловалась, и сейчас привыкай. И даже не сомневайся: я испытываю к тебе глубокие серьезные чувства.

– Да-а? – Это его заявление взорвало мой внутренний мир. – А можно задать вопрос? Оно сильнее или слабее того, что ты чувствуешь по отношению к Ладе?

Ярослав на долю секунды замер, а потом ударил себя ладонью по лбу и самым возмутительным образом расхохотался.

– Вот, значит, откуда у этой истерики ноги растут, – самодовольно пропел Койдан. Я прямо видела, как он вешал на меня бирку с надписью «Ревнивица». – Ты из-за танца мне тут головомойку устраиваешь? Теперь все встало на свои места, а я голову сломал, из-за чего тихая, спокойная Ника бунт затеяла, – хохотнул Яр и, наклонившись к моему уху, шепнул: – Одной из версий были «женские дни».

Я всю ночь промаялась, перед этим ревела, как белуга, а он шутить изволит?

– Рада, что позабавила, – обиженно буркнула я и сообщила: – К одиннадцати часам съеду.

Он закатил глаза, вернулся за стол и пододвинул к себе чашку с кашей.

– Поешь, Ника. Сытые люди – хорошие люди. Я тебя услышал. Если не хочу, чтобы ты надувала губы или меняла место жительства, с другими дамами не танцевать. А разговаривать можно? Это я так, на будущее интересуюсь. – Последнюю фразу я расценила как чистой воды издевательство.

Ярослав определенно умеет спорить куда искусней, чем я, он лихо перевернул все вверх дном и выставил меня ревни-

вой дурочкой.

– Дело не в танце, хотя язвительные комментарии гостей, которые шептались за моей спиной, тоже неприятны. Ты позвал меня на вечер. Спрашивается – зачем? Я свою компанию не навязывала, сам предложил, а в ресторане благополучно бросил, – как можно спокойнее высказалась я, а все негодование выместила на своих же ладонях, больно впинаясь в них ногтями.

– Ник, не раздувай из мухи слона. Этот вечер был не для развлечения, а для полезных встреч с нужными людьми. А то, что я танцевал с Ладой, так это вообще полная ерунда, обычный невинный танец без всякого подтекста. Тебе не на что обижаться. – Опять этот тон, снисходительный и вежливый, как будто сбежавшей из психушки больной объясняют, зачем ей необходимо вернуться в клинику.

– Может быть, танец и невинен, – признала я такую возможность, – но он меня задел. Может быть, и не на что обижаться, – согласилась я и с этим, – но было обидно. Не о логике говорю, а о том, что я вчера чувствовала. И не дай бог пройти через это еще раз. Слонялась в одиночестве из угла в угол и не знала, куда себя деть. – Тут я немного преувеличила, и Ярослав, естественно, ухватился за эту неточность.

– Ника, ну зачем эти громкие слова? Я ни на минуту тебя из виду не терял. Неплохо ты время проводила: сначала со Стасом, потом кавалер какой-то недоделанный нарисовался. Не выдумывай. – Койдан, по всей видимости, решил, что по-

ставил в нашей беседе жирную точку, потому что со скучающим видом подлил сливки в кофе и, отпив из чашки, переключился на булочку с джемом.

– Так ты еще и меня обвиняешь в том, что не шарахалась от тех немногих людей, пожелавших со мной общаться?

Взгляд невольно упал на графин с апельсиновым соком. И хоть я и осталась стоять на прежнем месте, но мысленно подошла к столу, подняла графин и вылила едкую, трудно отстирываемую жидкость на безупречно подстриженную шевелюру Ярослава, не забывая при этом и костюмчик, и отглаженную рубашку смочить. Так ярко представила себе эту картину, что, казалось, в комнате цитрусом пахло.

– В отличие от тебя, Вероника, – строгим тоном начал он, – я рассуждаю здраво, в общении с другими мужчинами тебя не упрекаю. И присядь наконец. – Койдан, хоть и не с силой, но стукнул рукой по столу. – Мало того, что я ем, а у тебя крошки во рту не побывало, так еще и сижу, пока ты стоишь.

– Посмотрела бы я, как ты запел, если бы мой, как ты выразился, «недоделанный кавалер», вылил бы на тебя ушат грязи, подкараулив в укромном местечке, а еще бы и кулаками перед носом махал.

В яблочко! Попала прямо в цель. Непринужденная снисходительность мигом слетела с Ярослава, он резко отбросил салфетку и тяжелыми широкими шагами приблизился ко мне.

– Это ты сейчас на что намекнула? Лада... – Слова застряли на его губах, и я перехватила инициативу:

– Когда я была в туалете, туда явилась Лада и устроила мне скандал. Твердила, что я вашему счастью мешаю, и чуть пощечину не влепила. Духу просто не хватило или последствий испугалась. Мне, в принципе, все равно. – Так я с превеликим удовольствием сдала ему эту хамку, не видя смысла покрывать ее выкрутасы.

Что-то нечленораздельное и матерное вырвалось у Ярослава, и он пообещал:

– Я с ней поговорю, она и близко к тебе не подойдет.

– Яр, ты опять ничего не понял. – Пришла моя очередь разговаривать с ним как с малолетним ребенком. – Не на Ладу я жалуюсь, а тебя упрекаю. Ты, – ткнула я Койдана пальцем в грудь, – и только ты дал ей повод на меня наброситься. Вы встречались, и я сомневаюсь, что ее гаденький характер тебе неизвестен и ты не знаешь, на что она способна. Лично я считаю, что ты сам ее в туалет направил, а сейчас праведный гнев тут изображаешь, – вконец осмелела я и пошла в открытую атаку.

– Ника... – Койдан, поморщив лоб, прикрыл глаза. – Каюсь, сглупил. Но разве это повод отношения разрывать?

Разве я хоть раз обмолвилась о расставании? Насколько помню, нет.

– Пока просто съезжаю, – не вдаваясь в подробности, отозвалась я, развернулась и направилась на выход.

– Я же извинился, – донеслось из-за спины.

– Нет, так прощения не просят. На самом деле ты просто галочку поставил, что это сделал. – Я коснулась ручки двери, но не дернула ее: осталось еще одна не решенная проблема.

– Яр, ты не возражаешь, если я щенка с собой заберу, мне...

– Если откажу, ты останешься?

– Нет.

– Тогда забирай.

Глава 12

Эйфория от победы, одержанной в споре, моментально выветрилась, и на ее месте поселилась тоска. Сидя на кровати, я смотрела на чемоданы и никак не решалась взять их и спуститься вниз. Когда переезд был лишь призрачным планом, он мне казался отличной идеей, сейчас – нет. Сама себе призналась: в глубине души я рассчитывала, что Ярослав не позволит мне уехать, покается, попросит прощения и уговорит остаться. Так не случилось. Он почти не старался. Значит, не нужна.

Вертялый щенок, забавно махая поднятым хвостиком, крутился вокруг и то и дело покусывал безвольно свисающую к полу руку.

– Что ж, мой хороший, поехали, – потрепав малыша за ушко, грустно выдохнула я и, чтобы вызвать такси, достала мобильный.

«В прошлый раз я машину более получаса ждала, у Койдана еще есть время исправить ситуацию, – подумала я и с надеждой посмотрела на дверь. – Пусть он сейчас войдет».

Чуда не произошло. Никто меня не потревожил, и служба такси, как назло, сработала оперативно. В течение десяти минут пришло сообщение – автомобиль подан. Наверное, водитель где-то поблизости был.

— Ярослава, скорее всего, и дома-то уже нет, бессмысленно оттягивать неминуемый момент, — хлопнув себя по коленке, громко и решительно произнесла я, встала, схватила поклажу и побрела на выход.

Поочередно стаскивая чемоданы с лестницы и отгоняя от ног щенка, я уговаривала себя, что поступаю правильно. Лучше сейчас уйти с гордо поднятой головой, чем потом, когда Ярослав с Ладой помирятся и мне укажут на дверь.

Водитель помог загрузить чемоданы в багажник, недовольным тоном поинтересовался, когда щенок ходил в туалет, и только после того, как я его клятвенно заверила, что он выгулянный, мы с малышом устроились на заднем сиденье и машина тронулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.